

Юдаков

В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

УМЕРШИЙ

ШТРИХИ

к творческой
tempo
биографии

XII
Ю-16

Сулейман (Соломон) Александрович Юдаков.

**Сулейман Юдаков
В воспоминаниях
современников**

Штрихи творческой биографии

"Узинкомцентр"
Ташкент 2003

Автор-составитель:

профессор Государственной консерватории
Узбекистана **В.З. Плунгян**

Продюсеры проекта:

Б.Р. Бабаев,
В.В. Михайлов

Рецензенты:

профессор Государственной консерватории
Узбекистана **Т.Б. Гафурбеков,**

профессор Государственной консерватории
Узбекистана **И.Г. Галущенко**

Сулейман Юдаков в воспоминаниях современников
С89 Штрихи творческой биографии / Авт.-сост.: **В.З. Плунгян.**
—Т.: "Узинкомцентр", 2003. —248 с.

ББК 85.313(5У)—8

№ 261-2003

Нац. б-ка Узбекистана им. А. Навои.

Спонсор издания:

**BRITISH AMERICAN
TOBACCO
UZBEKISTAN**

Сулейман Юдаков - один из самых ярких представителей музыкального искусства Узбекистана второй половины XX века. Созданные им произведения вошли в золотую сокровищницу узбекской национальной культуры. Он является автором ставшей поистине бессмертной первой узбекской комической оперы "Проделки Майсары", комического балета "Проделки Насретдина" и целого ряда других сочинений, получивших самую широкую известность не только в Узбекистане, но и далеко за его пределами. В третьей книге В.Плунгян, посвященной классике узбекской музыки XX века, воспоминаниями о С. Юдакове делятся многие видные представители узбекской культуры и искусства.

Издание адресовано самому широкому кругу читателей.

Рекомендовано к изданию Научно-методическим Советом Госконсерватории Узбекистана.

Автор-составитель выражает
благодарность за помощь в создании
книги, посвященной светлой памяти
С.А. Юдакова,
спонсору, продюсерам,
редактору, рецензентам,
ректорату Государственной
консерватории Узбекистана.

**Сулейман Юдаков
в воспоминаниях
современников**

**Штрихи
творческой биографии**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П. П. СЕРГЕЕВА
В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА ССР

1988 г.
Издательство «Восток»

Рене АйзельSTEIN

*Генеральный директор
Бритиш Американ Табако Узбекистан*

Мы – частица Узбекистана

Живя и работая в Узбекистане, мы чувствуем себя частицей этой страны. Нас волнует и радует все то, что волнует и радует ваших граждан, поэтому мы стремимся не только развивать наше производство, но и активно участвовать в социальной жизни страны через спонсорскую поддержку проектов в сфере культуры, образования, искусства и здравоохранения. Одно из важнейших направлений нашей спонсорской деятельности — дальнейшее развитие узбекской национальной культуры, богатой традициями и имеющей богатые исторические корни. Сейчас, после десятилетий советской идеологии, идет её возрождение, особенно это заметно, когда

в стране отмечаются такие всенародные праздники, как День независимости, наступление Навруза, проводятся выставки и международные фестивали, подобные музыкальному фестивалю “Шарк тароналари” в Самарканде или фольклорному фестивалю “Бойсун бахори” в Сурхандарьинской области. Мы с удовольствием приняли участие и в издании книги “Сулейман Юдаков в воспоминаниях современников”. Это связано с тем, что в 1996 году, через два года после нашего прихода на узбекский рынок, Бритиш Американ Тобако Узбекистан стало инициатором и спонсором проекта постановки в Большом театре Узбекистана первого узбекского комического балета “Проделки Насретдина”. Балет был создан выдающимся узбекским композитором, народным артистом Узбекистана Сулейманом Юдаковым.

В соответствии со специальным договором с ГАБТом имени А. Навои, спонсорские средства были перечислены тогда не из доходов на месте, а целевым назначением из Лондона. Помощь в постановке яркого национального балета была оказана в целях поддержки культуры и искусства Узбекистана. В чем-то это было и осуществлением акта справедливости в отношении балета, который в течение тридцати лет не ставился на узбекской сцене из-за бюрократических преград бывшей советской системы.

Я не работал в тот период в Узбекистане, но слышал о том, с каким успехом прошла премьера балета в марте 1997 года, какая в нем впечатляющая музыка, со-

зданная классиком узбекского искусства С. Юдаковым.

Недавно большая группа сотрудников нашей компании посмотрела этот балет, и могу сказать, что наши коллеги и члены их семей пришли из театра полные восхищения и радости, высоко оценив работу мастеров узбекского балета на сцене театра имени А. Навои и автора музыки.

Мы хотим, чтобы этот балет всегда был в репертуаре театра, и решили еще раз поддержать творческий коллектив театра и выделить средства для обновления спектакля.

Творческое наследие С. Юдакова весьма значительно. И это в полной мере отражают воспоминания его коллег и современников в книге, которая сейчас перед вами. Я бы сказал, что это — весьма оригинальные штрихи к его творческому портрету.

Очень жаль, что выдающемуся композитору Сулейману Юдакову — классику двадцатого века, не довелось при жизни увидеть на сцене свое замечательное творение. Но мы надеемся, что благодаря поддержке этого проекта с нашей стороны, его смогут увидеть и насладиться волшебной музыкой тысячи почитателей его бессмертного таланта, а эта книга доставит им истинное удовольствие.

Rene IJsselstein

The General Director

British American Tobacco Uzbekistan

WE ARE A PART OF UZBEKISTAN

Living and working in Uzbekistan we feel ourselves as part of this country. We are excited and happy with everything which excites the population at large and that is why we strive not only to develop our business but also be actively involved in social life of the country by giving sponsorship for cultural, educational, arts and healthcare projects. One of the most important directions of our sponsorship activities is a further development of Uzbek national culture which is rich in its traditions and historical roots. Currently, after decades of Soviet ideology, the country faces revival of its culture and it is especially obvious when the country celebrates holidays like

Independence Day, Navrus, exhibitions and international festivals like music festival "Sharq Taronalari" in Samarkand and the folklore festival "Boysun Bahori" in Surkhandarya province.

With great pleasure we took part in publishing the book "Suleyman Yudakov in memories of contemporaries". It is related with the fact that in 1996, after two years of company operations in Uzbekistan market, British American Tobacco Uzbekistan became the initiator and sponsor of the staging project of the first comic ballet in Uzbekistan "Escapades of Nasreddin" in Bolshoy Theatre named after Navoi. The ballet was staged by Suleyman Yudakov, famous Uzbek composer, National Actor of Uzbekistan.

In accordance with a special agreement with State Academic Bolshoy Theatre named after Navoi, sponsorship funds were transferred. The aid to stage excellent ballet was made with a purpose of supporting the culture and art of Uzbekistan. In some way it also was an act of justice to ballet which was not staged in Uzbekistan due to the red tape of soviet system.

I was not working in Uzbekistan at that period of time but I have heard a lot about the great success of the opening night of the ballet in March 1997, about impressive music written by the classicist of Uzbek art S. Yudakov.

Not long ago many company employees saw this ballet and I can tell that our colleagues and family members returned from theatre full of admiration and excitement,

highly valuing the talent of Uzbek ballet masters on the stage of Navoi theatre and its author.

We wish this ballet to remain in theatre repertoire and that is why we decided once again to support the creative staff of the theatre and allotted funds for renewal of the performance.

Creative heritage of S.Yudakov is very significant. This is fully reflected in memories of his colleagues and contemporaries in this book. I would say it is a quite original touch to its creative portrait.

It is with sorrow to notice that the great composer Suleyman Yudakov, the twentieth century classicist, did not live up to the day when he could see his wonderful creation. But we hope that thanks to the support of this project by our side, thousands admirers of his everlasting talent can watch it and enjoy its fairy music and that this book will bring a keen pleasure.

От автора-составителя

Страницы творческой биографии (1916-1990)

“Творчество Сулеймана Юдакова, художника-гражданина, художника-патриота и интернационалиста, представляет собой яркую страницу истории современной узбекской музыки, отражающей пульс времени”.

Тураб Тула

Лауреат Государственной премии, народный артист Узбекистана Сулейман (Соломон) Юдаков является ярким представителем плеяды классиков узбекской музыки XX века. Его глубоко национальное творчество органично вошло в жизнь узбекского народа, который хорошо знает и с любовью исполняет произведения композитора. Не случайно его мелодии стали позывными передач узбекского радио и телевидения. Не случайно и то, что через творчество С. Юдакова раскрывался та-

лант многих крупных исполнителей узбекского музыкального искусства. Существует даже понятие “в стиле Юдакова”, поскольку каждое произведение композитора самобытно, оригинально в творческом решении, стилистически узнаваемо с первых же интонаций. В то же время музыка С. Юдакова, представляющая собой органический синтез различных музыкальных культур Востока, перешагнула границы Узбекистана, создав автору огромную аудиторию. Произведения композитора исполнялись в Москве и Таллине, Горьком и Душанбе, Уфе и Каире, Ашхабаде и Софии, Буэнос-Айресе, Лионе, Лодзи и других городах мира. А один из факторов такой популярности — родниковая связь его музыкальной лексики с узбекским национальным фольклором (по словам литовского композитора В. Баркаускаса, “броским, терпким”) и, прежде всего, близкими к нему стилями именно в соприкосновении с таджикской, азербайджанской, иранской музыкой.

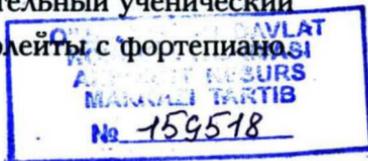
Голос узбекского композитора — голос музыканта своей эпохи. Его умение слышать время, идти в ногу со временем — характерная черта художника. Из потока жизненных впечатлений он отбирает преимущественно яркие солнечные краски. Его муза, действительно, как бы согретая солнцем, отражает мир положительных человеческих эмоций, освещает радость бытия и созидания, воспекает торжество жизни, зовет к высоким идеалам. Отсюда и отличительная апофеозно-гимническая или комедийно-юмористическая атмосфера многих его произведе-

ний, оптимистичность мироощущения, светлые краски его палитры. Нельзя не отметить, что его личностные проявления в творчестве, такие, как напор темперамента, одержимость, празднично-ликующий тон, роднят его с А. Хачатуряном. Эти качества, это родство душ обеспечили их взаимоотношение.

Все творчество С. Юдакова — это путь трудных испытаний, неустанных поисков и больших свершений в искусстве, о чем говорит “амплитуда” творческого пути. В юности — воспитанник кокандского детского дома, впоследствии — ученик М. Гнесина и Р. Глиэра, первые творческие шаги которого получили одобрение Н. Мяковского, а далее — творческие контакты с Д. Шостаковичем и А. Хачатуряном, обогатившие его фантазию и художественные поиски и, наконец, классик узбекской музыки XX века, получивший популярность на родине и международное признание.

Калейдоскоп юношеских впечатлений приобщил его к драгоценным родникам узбекского национального музыкального искусства и позднее отразился на композиторском мышлении.

Сулейман Юдаков родился в Коканде в 1916 году и свои недюжинные музыкальные способности проявил уже в самые ранние годы, будучи воспитанником детского дома. Затем учеба в Москве, сначала на музыкальном рабфаке при консерватории по классу флейты у Н.И. Платонова. Первый самостоятельный ученический опус — “Персидская сказка” для флейты с фортепиано

С 1935 г. Юдаков — студент музыкального училища при консерватории в классе композиции М.Ф. Гнесина. Юный Сулейман завоевывает в 1937 г. широкое признание музыкальной общественности, удостоившись первой премии на конкурсе за романс на стихи Пушкина “Не пой, красавица”, ставший этапным произведением в творческой биографии начинающего маэстро. С 1938 г. Юдаков — студент московской консерватории в классе выдающегося композитора и педагога Р.М. Глиэра. Позднее, в 1951 г., как известно, 76-летнему учителю суждено было публично поздравить своего талантливого ученика с присуждением ему высокой награды — Государственной премии — за вокально-симфоническую сюиту “Мирзачуль”. На третьем курсе профессиональное образование юноши из Узбекистана завершилось в связи с грозным 1941 ...

Начало самостоятельного творческого пути С. Юдакова совпало с периодом становления национального профессионального музыкального искусства, и на долю начинающего талантливого художника выпала большая честь — стать одним из зачинателей в национальной культуре новых жанров. Он в числе первых обратился к романсу, квартету, кантате, открыл страницу фортепиано-дуэтной литературы, стал создателем первой узбекской комической оперы, первого комического балета.

Его романс “Не пой, красавица” по сути открыл собой узбекскую пушкиниану. В целом романсы Юдакова — своеобразное явление в музыкально-профессио-

нальном творчестве Узбекистана, что выразилось в сочетании национального колорита с общевосточными элементами. “Детская сюита для струнного квартета” (1944) — первый опус композитора в этом жанре, — наряду с произведениями М. Бурханова, Г. Мушеля, И. Акбарова прокладывает пути камерно-ансамблевой музыке в Узбекистане. Проба пера композитора в жанре кантаты — “Песня о счастье” для солиста, хора и симфонического оркестра (1939). В 1945 году Юдаков поздравляет республику кантатой “Победа”, которая, вслед за “Фархадстроем” Г. Мушеля (1942), явилась одним из ранних произведений данного жанра. Юдаков был первым и в жанре фортепианного дуэта. Имеется в виду написанная в 1948 году “Танцевальная сюита” для двух фортепиано. Композитор пролагал пути и в музыкально-сценических жанрах. Комическая опера “Проделки Майсары” и комический балет “Проделки Насретдина” — это пока единственные подобные жанровые формы в отечественном музыкальном театре.

В творчестве мастера в целом наблюдается определенная устремленность — преобладание произведений, связанных со словом. Вокальная музыка — наиболее близкая для композитора сфера. Именно здесь преимущественно концентрируются его главные интересы, его пытливые искания. Именно здесь он разговаривает со своим современником, воспевает любовь, радость труда, патриотизм, призывает к миру и дружбе народов, к борьбе за справедливость. Песня “Родной Узбекистан” (на сло-

ва Аскада Мухтара) выражает восторженность чувств, любовь композитора к родной земле, к родному краю. Она неизменно звучит в торжественные минуты как выражение национального пафоса, ликования. Песня с успехом исполнялась и в прославленной певческим искусством Эстонии, стала украшением "Сборника песен композиторов Узбекистана", изданного на Украине. Символом Ташкента, родного Узбекистана, цветущего солнечного края явилась для слушателей песня "Карнавальная вальс" (на слова Тураба Тулы) с ее лирически-распевной, парящей мелодией. Большой популярностью пользуются песни "Застольная" (на слова Гафура Гуляма) и "Подруги" (на слова Шарафа Рашидова). Благодаря меткости интонаций, рельефности мелодизма песни С. Юдакова легко и быстро подхватываются народом (так воспринимались в свое время новые песни И. Дунаевского). И прав был музыковед А. Джаббаров, назвав Юдакова одним из лучших композиторов-песенников республики, создающих крылатые песни, многие из которых стали этапными произведениями в развитии песенного жанра в Узбекистане. В своих песнях и романсах композитор нередко опирается на слова таджикских поэтов и на таджикскую интонационную основу. Юдакову выпала честь быть и автором Гимна Таджикистана. А интересным примером творческого преломления традиций таджикской и узбекской вокальной лирики служит романс "Басандаст" ("Зачем заносишь меч?"), написанный Юдаковым на одну из философских газелей А. Навои в необычной для автора

речитативно-декламационной манере.

Значительное место в творчестве Юдакова занимает кантатно-ораториальный жанр. Особо пристальное внимание к нему характерно для 70-х годов. В эти годы одна за другой появляются кантата “Муборакбод” на стихи Х. Гуляма (1972), вокально-симфоническая поэма “Алёр” на стихи Миртемира (1972), поэма-кантата “Узбекистан” на стихи Э. Вахидова (1973), балет-оратория “Победа” на стихи Т. Тулы (1976). В них, так же как и в “Мирзачуле” на стихи Х. Гуляма (1950) и “Моей Родине” на стихи Т. Тулы (1957), ощущается умение слышать время и преимущественное доминирование светлых сторон жизни. И в этом жанре, пожалуй, вряд ли кто-либо из композиторов Узбекистана может сравниться с Юдаковым в искусстве воплощения в музыке оптимистического мироощущения, передачи радостных эмоций и атмосферы торжеств и празднеств. Отсюда и отличный апофеозно-гимнический, приподнятый тон музыкальной речи композитора в передаче гуманистических идеалов, высокой гражданственности. Причем, каждое из этих произведений — это новое слово, и, в то же время, — классический образец в национальном искусстве.

Из ряда музыкально-драматических спектаклей, таких, как “Светлый путь” (1951), “Шелковое сюзане” (1951) и других, наполненных оптимизмом, выделяется по своему эмоциональному тону “Дочь Ганга” по роману Р. Тагора. То же самое можно отметить и в музыке к кинофильмам, где также по своему драматизму выпадает из

общего жизнеутверждающего плана звуковой ряд киноленты “Фуркат” (1960). О редком обращении к драматическим тонам свидетельствует и программное симфоническое творчество С. Юдакова. Если такие произведения композитора — художника оптимистической музыки, как “Торжественная увертюра” (1949), “Хорезмское праздничное шествие” (1951), “Молодежная поэма” (1954), “Фестивальная увертюра” (1965) наполнены эмоциями праздничности и торжества, то особняком стоит его “Поэма-рапсодия” (1964) — своего рода эпитафия “Памяти матери”.

Целый пласт музыки С. Юдакова — комедийно-юмористические опусы. Таковы уже упоминавшиеся нами комическая опера “Проделки Майсары” (1959) и балет “Проделки Насретдина” (1997), которые можно назвать этапными произведениями как в творческой биографии Юдакова, так и в истории музыкально-сценического искусства Узбекистана в целом. Народная по своему духу и популярная у узбекского народа “Майсара” стала настоящим явлением в отечественной и зарубежной “Майсариане”. Как ни у одного из музыкально-театральных сочинений узбекских композиторов богата событиями и фактами ее сценическая судьба: узбекскую оперу называют “историческим достижением”, “классическим образцом современной оперы”. Балет “Проделки Насретдина” “встал на пуанты” уже после кончины композитора, благодаря талантливой версии балетмейстера Булата Аюханова, композитора Алмаса Серкебаева, драматурга

Рихсивоя Мухамеджанова, дирижера Захида Хакназара, сценографа Бабура Исмаилова, балетной труппы ГАБТа имени А. Навои, а также большим усилиям организатора этого проекта, личного друга Юдакова, тележурналиста Бориса Бабаева. Наряду с оперой это произведение еще раз подтвердило неисчерпаемый комедийный дар С. Юдакова, владеющего искусством писать веселую, искрящуюся юмором музыку.

Эскизный портрет С. Юдакова будет не полным, если не привести слова самого композитора из его интервью в 1986 году, за несколько лет до кончины, в связи с завершением (в содружестве с поэтом Т. Тулой) двух произведений кантатного жанра — “Гимн мира” и “Дети мира”: “Голос здравого смысла и хор миллионов людей Земли не могут оставить равнодушными и деятелей культуры, в частности нас, творцов музыки. Эта тема, естественно, не могла не найти отражения и в моем творчестве. Мое сердце всегда резонирует с пульсом времени. Таков мой творческий принцип. Я верю в торжество разума. Мои мысли буквально перекликаются со словами греческого композитора Микиса Теодоракиса: “Я улавливаю и мажорную тональность в мировой многоголосице. В настоящее время нависшая над человеческой цивилизацией опасность буквально стала доминантой в моем творчестве”. Остается только добавить: как современно звучат сегодня слова классика узбекской музыки!

Музыка Сулеймана Юдакова жила на протяжении большей части XX века. Маэстро создал свою,

юдаковскую, ветвь в современной узбекской музыке, в которой поражает пронзительная чистота его искренней музыкальной речи без звуковых “нагромождений”. Его искусство — камертон времени. Многие его гимнические произведения, поднимающие дух, и, прежде всего, такие, как песня “Жон Ўзбекистон”, хочется слушать стоя. Музыка С. Юдакова будет жить и в XXI веке.

Однажды, поздравляя композитора с очередным успехом, дирижер Ф. Шамсутдинов отметил: “Каждая новая творческая удача С. Юдакова является праздником музыки Узбекистана”. Думается, и не только Узбекистана. В канун 70-летия композитора его имя было названо в числе корифеев-старейшин в одном ряду с Г. Свиридовым и другими выдающимися творцами XX века.

... До своего 75-летнего юбилея Соломону Александровичу не суждено было дожить. Об этой тяжелой утрате общественность страны была оповещена правительственным некрологом на страницах газеты “Правда Востока” 8 ноября 1990 года. Но он навеки запечатлелся в памяти современников, оставив глубокий след в искусстве, и, прежде всего, как чародей комической интонации, маэстро, созидающий мир прекрасного аккордами света, владеющий таинством простоты и неистощимым мелодическим даром, столь редким для композиторского мышления XX века.

Он ушел, оставив бессмертные творения

*“Пусть будущие славят поколения
Нас за труды, тебя — за вдохновенье”.*

Вильям Шекспир

Современное узбекское музыковедение с каждым годом расширяет свои горизонты. Представители этой сферы музыкальной культуры вносят огромный вклад как в науку, так и в публицистику. Трудно перечислить все, созданное в самых различных жанрах. Однако, что касается мемуарного жанра в отечественном музыковедении, то с сожалением приходится констатировать наличие лишь отдельных попыток такого рода начинаний в республике — издание двух книг: “В.А. Успенский” (1980) и “Карима Олимбоева-Ахмедова” (1996), содержащих лишь небольшие разделы воспоминаний.

В связи со сказанным становится

очевидным, что назрела необходимость создания целой серии мемуаров в память о выдающихся мэтрах узбекского музыкального искусства. Тем самым мы не лишим исторической памяти будущие поколения, сохраним для потомков национальные духовные ценности. Ведь как верно сказал академик Дмитрий Лихачев: “Памяти нужны пристанища, она не может быть бесприютной. Если мы не будем по-настоящему чтить наших духовных предков — забудут и нас”. И потому можно только приветствовать инициативу Государственной консерватории Узбекистана, открывшей путь к изданию такого рода материалов. Ведь мы в долгу перед целой плеядой мастеров, которых уже нет с нами, но чьи заслуги неоценимы и чьи традиции продолжают.

В ряду выдающихся деятелей музыкальной культуры, стоявших у истоков создания в Узбекистане профессиональной музыки XX века и заслуживающих увековечения, достойное место занимает имя Сулеймана Юдакова — автора таких шедевров композиторского искусства, как песни “Жон Ўзбекистон”, “Карнавальная вальс”, “Дугоналар”; романс “Не пой, красавица” на стихи А. Пушкина, романс “Басандаст” на слова А. Навои; кантатно-ораториальные произведения “Мирзачуль”, “Алёр”; оркестровые сочинения: “Фестивальная увертюра”, поэма-рапсодия “Памяти матери”; первая узбекская комическая опера “Проделки Майсары”, получившая поистине всенародное признание и поставленная в ряде стран.

В первом году нового века, нового тысячелетия С. Юдакову исполнилось бы 85 лет. Он ушел из жизни внезапно, недомечтав, оставив нам свои бессмертные творения. Наряду с бронзовым бюстом, открытием квартиры-музея, увековечивших его имя, постановкой балета “Проделки Насретдина”, как исполнением желания ушедшего из жизни композитора, еще одним памятником должно стать издание этой книги. В “книге памяти” запечатлены воспоминания многих корифеев узбекского искусства, воссоздавших черты облика маэстро, в ней находят должное отражение его профессиональные заслуги, путь в бессмертие.

В свое время была задумана трилогия, посвященная С.А. Юдакову. Первая книга — монографический очерк о творчестве композитора — опубликована в 1979 году Издательством литературы и искусства имени Гафура Гуляма, открыв в музыковедческой литературе научно-популярную серию “Композиторы Узбекистана”. За ней в 1992 году последовала вторая книга, посвященная анализу оперы “Проделки Майсары”, ее связям с народным театром и классической оперой. По сути, это диссертационное исследование биографа композитора, автора вышеназванных книг. Третья книга задуманной трилогии уже после ухода из жизни С.А. Юдакова предполагала воедино собрать страницы воспоминаний, высказывания деятелей культуры, соприкасавшихся с композитором, с его ярким, немеркнувшим талантом.

Настоящие мемуары — первое издание подобно-

го рода в истории отечественной музыкальной культуры. Эта книга — не только веление времени, но и духовная миссия всех, кто знал Соломона Александровича, кто так или иначе соприкасался с его творчеством, находился в сфере магнетизма его музыки. Воспоминания деятелей культуры сообщают мемуарам силу документа, позволяют рассказу об одном из корифеев узбекской музыки XX века перерасти в повествование о времени. В них явно ощущается правдивость, человеческая глубина постижения предмета разговора, ответственность перед эпохой, перед историей. Мемуаристы сообщают доселе неизвестные, подчас впервые публикуемые факты и подробности для того, чтобы дорисовать, дополнить и обогатить сложившийся в нашем воображении портрет художника, глубоко проникая в богатый и многомерный внутренний мир героя воспоминаний. В мемуарах немало ценных свидетельств очевидцев.

В то же время согретые сердцем “документы эпохи” вводят читателя в мир окружения композитора, рисуют его гостеприимный дом, как место притяжения видных деятелей искусства, многих музыкантов-исполнителей, композиторов, теле и радиожурналистов, гостей из других республик, зарубежья. Их воспоминания дополняют в своих деталях портрет Юдакова-человека, его духовный мир. Большинство авторов воспоминаний подчеркивают, что им выпало счастье тесно общаться с маэстро, они пишут о нем с большой теплотой. Именно эти воспоминания, являющиеся как бы “сердцем” книги,

читаются с неподдельным интересом, эмоционально захватывают читателя. И здесь невольно возникает ассоциация с выражением одного из великих музыкантов, которое можно отнести к авторам штрихов, дополняющих юдаковскую биографию: “Биографию... надо уметь прочесть так, чтобы получилась музыка”. Наконец, настоящие мемуары — это посвящение С. Юдакову, который мог бы сказать о себе: “Я всю жизнь создавал “торжественно-величальные оды” и свой “театр кызыкчи”, название которым — “Узбекистан”.

Работа над книгой осуществлялась с участием членов Союза композиторов Узбекистана, под эгидой ректора Государственной консерватории Узбекистана. Назов участвовать в “мемориальном опусе” откликнулись лучшие представители нашей культуры, все, кто не мог не выступить, все, кто ценит творчество классика современной узбекской музыки, все, кто сегодня чтит уникальную личность нашего замечательного соотечественника.

Структура книги построена по “сюитному принципу”, где с воспоминаниями поочередно выступают представители всех категорий музыкантов: композиторы-единомышленники, ведущие музыковеды-аналитики, исполнители-интерпретаторы музыкальных творений маэстро, а также деятели культуры. Материалы представлены в форме монологов и диалогов (интервью), в отдельных случаях — в виде неприжизненных рецензий и иных публикаций.

В собранной по крупницам книге все интересно:

портретные черты Соломона Александровича глазами современников, каждая строчка воспоминаний о нем, каждое слово наблюдений над его творчеством: От кропотливого поэтического коллективного труда авторов: друзей, единомышленников, почитателей — исходит светлая аура.

Книга о С. Юдакове — это не только дань памяти видному композитору, но и прикосновение к истории страны, в которую навечно вписал свое имя классик узбекской музыки XX века.

*** Воспоминания
С.А. Юдакова о своем
великом учителе
Р.М. Глиэре**

“Р.М. Глиэр воспитал целую плеяду композиторов, сыгравших исключительно большую роль в развитии национальных музыкальных культур, внесших вклад в музыку XX века. Среди этих имен можно назвать имя узбекского композитора С.А. Юдакова”.

Важным периодом для формирования творческого облика и овладения профессиональным мастерством узбекского композитора Сулеймана Юдакова были годы его занятий с Р.М. Глиэром.

“В 1938 году меня перевели из музыкального училища на основной курс Московской консерватории, — рассказывает Юдаков. — В государственной эк-

---

* Цитируется по книге С. Векслера “Глиэр и узбекская музыка”, Ташкент, 1980, с. 125 — 127.

заменационной комиссии сидели такие маститые, всем известные композиторы, как мой педагог по училищу М.Ф. Гнесин, Г.И. Литинский, Р.М. Глиэр, В.Я. Шебалин и другие. Экзамен прошел успешно, и я оказался в классе по сочинению Рейнгольда Морицевича.

Занимались мы обычно у него дома. Он встречал нас всегда с доброжелательной улыбкой; заходя к нему в комнату, мы, ученики, сразу ощущали на себе обаяние его личности, внимательность, деликатность и вместе с тем строгую взыскательность педагога". (Здесь и далее приводится материал из беседы с С. Юдаковым.)

Вспоминая эти занятия, Юдаков указывает, что Глиэр особое внимание уделял развитию слуховых навыков будущих композиторов. Он часто играл в другой комнате, а студенты должны были записывать эту музыку. Это была серьезная школа выработки слуха и памяти. Занятия он проводил с огромным увлечением, стремясь привить интерес к музыке, к изучаемым произведениям. Особое внимание уделял Глиэр классической музыке. "Только овладев основами последней, — говорил он, — композитор может идти (и должен идти) своим путем".

"Со мной вместе, — продолжал Юдаков, — у Глиэра учились композиторы из разных национальных республик. Как известно, Глиэр в эти предвоенные годы уже был признанным знатоком музыкальных культур Востока (Азербайджана и Узбекистана) и народного творчества Украины, Бурятии, Башкирии и т. д. Он по-

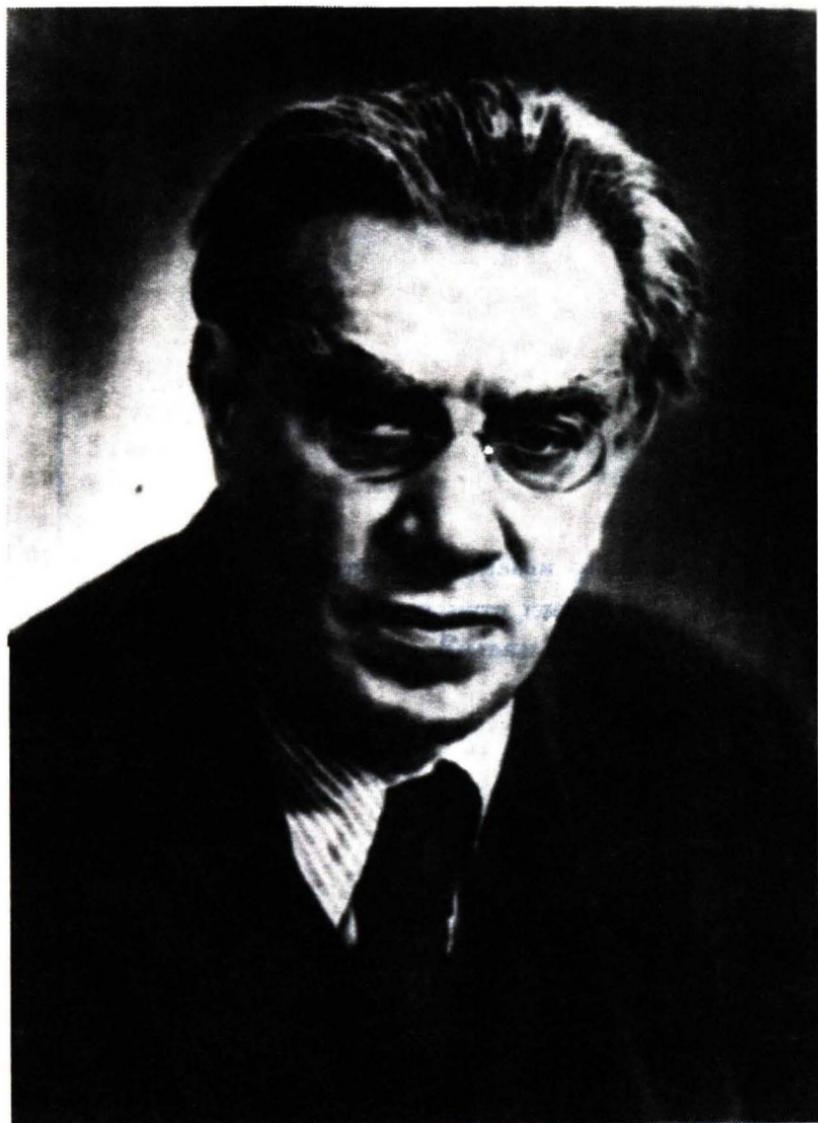
казывал и тщательно объяснял нам, как он сам подходил к обработке того или иного фольклорного материала, какие могут быть пути для этого. Но при этом всегда предупреждал, что его приемы общие, а каждый композитор, если он по-настоящему талантлив, должен, в конце концов, определить свое собственное лицо, свой индивидуальный стиль”.

Юдаков подчеркивал, что в дальнейшем стремился следовать указаниям Глиэра. Действительно, получив прекрасную школу в классе этого замечательного музыканта и педагога, Юдаков унаследовал от него неистощимый оптимизм, работоспособность и стремление к жанровому многообразию. Именно Глиэр учил его не замыкаться в рамках одного лишь музыкального жанра. И Юдаков работает в области вокальной музыки, пишет множество песен и романсов, часть из которых становится эскизами его будущих сольных ариозных форм в опере. Он создает оратории и кантаты, симфонические и камерные произведения. Не случайно его замечательная опера “Проделки Майсары” включает в себя почти все виды ансамблевых форм, основой для создания которых явились и его первые опыты в классе Глиэра.

Как тепло поздравлял Р. Глиэр своего ученика, когда на Декаде узбекского искусства в Москве в 1951 году с огромным успехом прозвучала вокально-симфоническая сюита “Мирзачуль”, удостоенная Государственной премии. Многочисленные слушатели, переполнившие Большой зал Московской консерватории, стоя аплоди-

ровали этой волнующей встрече семидесятипятилетнего учителя и его узбекского ученика, когда Глиэр обнял и поцеловал смущенного таким горячим приемом публики Сулеймана Юдакова.

Как счастлив был бы Глиэр, если бы дожил до наших дней, если бы узнал, что опера “Проделки Майсары” звучала уже во Франции и Польше, что она переведена на туркменский, таджикский, киргизский, башкирский языки и с успехом ставится на сценах многих театров нашей страны!

Рейнгольд Глиэр.

*“Запечатлейте беглыми словами
Все, что не в силах память удержать”.*
Вильям Шекспир

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

Композиторы

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

Муталь Бурханов

*Заслуженный деятель искусств
Узбекистана,
Народный артист Узбекистана*

Воспоминания о друге

Я дружил с Сулейманом Юдаковым с юных лет. Эту дружбу мы пронесли через всю жизнь и не погрешили против нее ни разу. Нас объединяла схожесть биографий. Оба родились в 1916 году. У меня с 11 лет не было родителей, Сулейман долгое время воспитывался в детском доме. Сближало нас и творческое стремление познать новое, пытливо проникнуть в таинства создания музыки, овладеть композиторским мастерством. Вместе учились. Познакомившись на рабфаке при Москов-

ской консерватории в 1934 году, мы сразу подружились. Вместе поступили в Московскую консерваторию: я занимался в классе по композиции у С. Василенко, Сулейман — у Р. Глиэра. Вместе вынуждены были прервать учебу в грозном сорок первом, вернувшись в родной Узбекистан. Наши произведения зазвучали. Обоим суждено было создать государственные гимны: мне — Узбекистана, С. Юдакову — Таджикистана. Оба достигли гребня славы, были окружены почестями, но, по существу, всю свою жизнь оставались одинокими людьми. Ни у меня, ни у него не было собственной семьи. Нашими ближайшими “родственниками” были друзья.

Соломон Александрович ушел из жизни внезапно, не дожив до своего 75-летия. Я, как его близкий друг, воссоздаю в своей памяти портрет соратника — портрет неожиданный, но тем и интересный. В воспоминаниях многих людей, знавших С. Юдакова, творчески с ним общавшихся, его образ запечатлен как образ шутника, балагура, любителя публики, типичного восточного аскиячи. И я также вспоминаю несколько шутливо-юмористических эпизодов.

Как-то мы, будучи студентами, повздорили в ресторане из-за девушки. Сулейман сунул незаметно яблоко в карман и закричал: “Пустите меня, сейчас я с ним разделаюсь!” и схватился за карман, имитируя наличие там пистолета. Присутствующие стали удерживать его, приговаривая: “Да не надо, Сулейман, остановись!” В итоге мы, словно противники, приняв шутку как бы все-

рьез, ретировались. Юдаков разыгрывал всех: и учителей (И. Способина, например), и просто случайных прохожих, людей, стоявших в очереди и т.д. Это был прирожденный актер-комик.

В то же время вспоминаю С. Юдакова и как человека нервного, очень мнительного и, в сущности, одинокого.

Однажды, будучи в Москве, мы втроем — я, Левиев и Юдаков — зашли в гости к А. Лахути. Хозяин дома нам очень обрадовался, пригласил к чаепитию. Все пили чай, беседовали, делились творческими замыслами, а Сулейман сидел молча и даже к чаю не притронулся. Все мы очень удивились, но не подали виду. Только потом на улице я спросил Сулеймана:

— Почему ты так странно себя вел и, по-моему, обидел Лахути?

— Лахути всем хорошие пиалы дал, а мне — с трещиной. Значит, плохо ко мне относится, — ответил Юдаков.

До такой степени был мнителен.

В последние годы жизни он не любил оставаться дома один. Может быть, он чего-то боялся, я думаю, одиночества. Когда ушел из жизни наш близкий друг Левиев, через три месяца я навестил Сулеймана, попавшего в больницу. Теперь вспоминаю с горечью его слова печального предчувствия: “Вот ушел наш друг, а за ним уйду и я”. Он сокрушался, что его забыли. Я его стал успокаивать: “Перестань, хватит себя накручивать”. Су-

лейман помолчал, а потом тихо проговорил: “Надо было нам с тобой, Муталь, детей иметь”.

И главное, что я хочу сказать о Юдакове — композиторе: Сулейман — по-настоящему талантливый художник. Даже у гениев, как известно, есть произведения, которые умирают, а есть и те, которые бессмертны. Таковыми произведениями Юдакова, которые переживут века, я считаю его оперу “Проделки Майсары” и замечательный неповторимый пушкинский романс “Не пой, красавица ...” (в переводе на узбекский Миртемира “Куйлама, сохибжамол ...”). Юдаков обладал особо ярким мелодическим даром. Я считаю, что в его полистилистическом языке есть и иранская интонационная природа. Свежая, сочная мелодия — вот основа музыки Юдакова, если выразить мысль точнее, — суть его музыки.

Стихией его творчества были: Мажор и Солнце, Юмор и Праздник.

Мустафо Бафоев

*Заслуженный
деятель искусств
Узбекистана,
Лауреат
Государственной
премии
имени А. Кадыри*

**Я всегда любовался
его ярким
запоминающимся
МЕЛОДИЗМОМ**

Незадолго до своей кончины одинокий в жизни Соломон Александрович часто звонил мне и приглашал к себе: “Приходи, посидим, поговорим”. Я тогда был еще молодым, начинающим композитором, и мы часто с М. Насыровым приходили к Юдакову вдвоем, беседовали о творчестве вообще, о нашей отечествен-

ной музыке, о жизни. Несмотря на большую разницу в возрасте, Соломон Александрович относился к нам без снобизма, без того гонора, который часто присущ именитым маэстро. Как только мы переступали порог его дома, он тут же приглашал нас к чаю, уделял нам большое внимание, старался быть веселым.

Впервые с музыкой С. Юдакова я познакомился еще в музыкальном училище, когда исполнял его “Восточную поэму” для скрипки и фортепиано в переложении для гиджака. Уже тогда меня как-то особенно привлекла сочная, по-восточному яркая музыка поэмы. Позднее, уже в консерватории, я более подробно познакомился с творчеством Юдакова и с самим композитором. В начавшихся контактах со знаменитым композитором я хотел бы выделить такую его черту, как обладание своим собственным мнением, своей позицией. Соломон Александрович всегда адекватно оценивал творчество других авторов, будь то сочинение молодого или маститого художника. Как учитель в широком смысле этого слова, он всегда участливо относился к молодым авторам, стараясь не пропустить талант. Как сейчас помню отношение Соломона Александровича ко мне, когда я впервые представил на суд компетентной общественности свой симфонический опус — симфонию “Газель” для солиста, мужского хора, струнных и ударных на стихи А. Навои, Б. Машраба, Э. Фурката (1980). В то время председателем секции симфонической музыки Союза композиторов Узбекистана был С.Юдаков. “Крещение”

моей первой симфонии происходило в концертном зале “Бахор”. Я тогда очень сильно волновался. И в этой ситуации моим “крестным отцом” оказался маэстро Юдаков, который после обсуждения с доброжелательной улыбкой подошел ко мне и сказал: “Я дал тебе хороший отзыв, ты выбрал верное направление”. Никогда не забуду это его напутствие и умение вселять уверенность в молодых.

А теперь мне хотелось бы остановиться на оценке творчества самого С. Юдакова, моем понимании и ощущении его музыки. Бросив ретроспективный взгляд на творчество композитора, я с уверенностью могу сказать, что основополагающими его чертами всегда являлись оптимизм, танцевальность, жизнерадостность. Это проявлялось и в песенном творчестве, сочинениях кантатно-ораториального жанра (особенно в “Мирзачуле”), и в его немеркнущей опере “Проделки Майсары”, и в позывных узбекского радио и телевидения — своего рода музыкальных символах Узбекистана, и во многих других произведениях. На мой взгляд, С. Юдаков — несомненно, оригинальный, не похожий ни на кого другого, очень самобытный композитор-художник. Среди всех произведений наших отечественных композиторов его мелодии всегда были моими самыми любимыми. Я постоянно любовался и люблю его ярким, запоминающимся мелодизмом. Продолжая мысль о юдаковских мелодиях, скажу, что они просты, в них нет сложности, надуманности, но они всегда темпераментны, животрепещущи. Не преследовал композитор и сложностей в гармонии, поэтому

его музыка поражает органичным сплавом мелодии и вертикали. С. Юдакова можно отнести к плеяде композиторов-первопроходцев, таких, как М. Бурханов, М. Левиев... Всегда трудно быть первыми, и эти аксакалы осознавали свою ответственность и очень осторожно, трепетно, я бы сказал, даже с какой-то опаской подходили к фольклору, чтобы не исказить дух народной мелодии. Они сочетали европейскую нотную систему с импровизационно-моноподическим складом народной музыки.

Соломон Александрович принадлежал двум культурам: Узбекистана и Таджикистана (автор гимна, песен и романсов...). Он очень хорошо знал народную узбекскую и таджикскую музыку, в то же время его музыкальный язык вобрал в себя истоки и других восточных культур. Поэтому его музыка, пронизанная духом фольклора разной стилистики, проста для понимания, восприятия многонациональной аудиторией как на Востоке, так и на Западе, о чем свидетельствует широкая география популярности его сочинений на самых различных континентах.

С. Юдаков — очень плодовитый композитор, его творчество охватывает практически все жанры. Как дирижер хочу подчеркнуть, что по хронометражу его партитур, по форме он всегда попадал в точку. А секрет этого мне видится в том, что maestro очень придирчиво подходил к своим произведениям, сочиняя несколько их вариантов, шлифовал их в момент звучания, доводя до совершенства. Одним из примеров может служить заволажи-

вающая слушателя вокально-симфоническая поэма “Алёр”, которую композитор во время каждодневных репетиций до “появления ее на свет” предлагал в новом варианте поправок, чтобы добиться наилучшего колорита звучания. Не могу не назвать хотя бы еще два создания “мастера ювелирной огранки”. Это прежде всего романс “Басандаст” (“Зачем заносишь меч?”) на стихи А. Навои, который невозможно слушать равнодушно. То же самое можно сказать и о непревзойденной комической опере “Проделки Майсары”, облетевшей мир, в которой очень чутко и метко С. Юдаков нашел естественное сочетание и созвучие жанра комедии с фольклорным материалом. Я с большой радостью хочу отметить тот факт, что народ воспринимает мелодии этой оперы как свои народные песни. Даже в моем родном колхозе многие знают мою музыку, но музыку “Проделок Майсары” напевали и напевают в переулках и дворах многих домов. Раньше не было дня, чтобы по радио не прозвучали произведения С. Юдакова. Народ знал и любил его музыку — искреннюю, открытую. Ведь недаром пословица говорит “Яблоко падает на ту землю, которая его взрастила”. Имя С.А. Юдакова осталось жить в сердцах народа.

Рустам Абдуллаев

*Председатель правления Союза
композиторов Узбекистана,
Деятель искусств
Республики Узбекистан,
Лауреат
Государственной премии
Узбекистана*

Автор “Проделок Майсары” и “Проделок Насретдина” был выдающимся композитором

Сулейман Юдаков — выдающаяся личность, фанатически преданная музыкальному искусству, художник, знаток узбекской народной музыки, проникший в ее глубины и талантливо претворявший традиции мировой классики. Он творческими узами связан и с таджикской музы-

кальной культурой: автор Гимна Таджикистана (к слову сказать, и современный гимн звучит с его музыкой), песен и романсов на стихи таджикских поэтов. Человек он был общительный, компанейский, всеобщий любимец, наделенный от природы жизнерадостным, светлым юмором. Эти черты во многом перекликаются с его творчеством.

Автор “Проделок Майсары” и “Проделок Насретдина” в творчестве, Юдаков фонтанировал проделками и в жизни. Вспоминается целый ряд веселых, подчас комических случаев, свидетелем которых мне пришлось быть ...

Один из них произошел в Ташкенте, когда я, случайно встретившись на улице с Юдаковым-“Насретдином”, провожал его домой. Вдруг неожиданно Соломон Александрович запел свою “Застольную песню”. Он пел ее таким громким голосом и так зажигательно, что начал “заводить” всех прохожих, которые стали один за другим присоединяться к нам, образуя целую процессию. При подходе к его дому, шествуя за нами, мотив песни подхватили уже человек сто.

... А два случая можно назвать “выездными” (на проходившей в Грузии “Неделе искусства Узбекистана”). Их невозможно забыть. Так на вечернем приеме после концерта, где наряду с другими произведениями С. Юдакова исполнялась песня “Жон Ўзбекистон”, под впечатлением исполнения этой песни М. Ходжаниязовым, ее вдруг неожиданно запели и хозя-

ева, и все гости, и наша делегация.

Другой случай связан с пребыванием нашей делегации на футбольном матче “Тбилиси — Москва” в момент прямой телевизионной трансляции с поля тбилисского “Динамо”. Юдаков со свойственным ему юмором предупредил оператора: “Меня, пожалуйста, не освещайте прожектором, а то моя лысая голова будет сверкать”. Тем не менее, он не раз попадал в объектив. А когда перегорел прожектор, Соломон Александрович прокомментировал это следующим образом: “Я же предупреждал — не направляйте на меня прожектор!”. Тут члены делегации не удержались, разразившись веселым смехом. Ахмед Хамидович Джаббаров, как глава делегации, говоривший в прямом эфире, не растерявшись, объяснил, что этот смех вызван ликованием по поводу успешной игры тбилисского “Динамо”.

Энмарк Салихов

*Заслуженный деятель
искусств
Узбекистана*

Сулейман Юдаков первым поддержал меня

В те годы, когда я только начинал писать музыку, Сулейман Юдаков стал первым человеком, который поддержал меня. Конечно, моим произведениям тех лет были присущи недостатки, свойственные сочинениям каждого начинающего композитора. И очень важным для меня было мнение мастера, который сказал мне тогда: “Вы на правильном пути”. Позже меня приняли в Союз композиторов, и немаловажную роль в этом событии сыгра-

ли рекомендации и отзывы Сулеймана Александровича о моем творчестве. Мне всегда imponировало отсутствие у Юдакова чувства ревности к успеху, славе других композиторов. Будучи достаточно добродушным человеком, он всегда оставался очень принципиальным, не шедшим ни у кого на поводу. В его доме часто собирались музыканты, артисты, поэты. И где бы ни находился Сулейман Александрович, всюду он обращал на себя внимание своей необыкновенной жизнерадостностью, вокруг него всегда звучал смех. Мне кажется, что именно в общении с людьми он находил тот импульс, источник энергии, который необходим любому творческому человеку в его деятельности.

Сулейман Юдаков был композитором, который охватил в своем творчестве большое количество музыкальных жанров. И многие из его сочинений заинтересовали меня еще в молодости. В годы студенчества темой моей дипломной работы была кантата “Мирзачуль” Юдакова. Тогда я и подумать не мог, что совсем скоро буду общаться с широко популярным уже в те годы композитором. Всем известно, что сценические произведения являются серьезным показателем общего состояния музыкально-театральной жизни. У нас есть, конечно, в этой области некоторые достижения. В первую очередь, это успех оперы С. Юдакова “Проделки Майсары” — первой комической оперы в Узбекистане, поставленной уже и во Франции, Бельгии и Польше. Что же так привлекло в сочинении узбекского композитора? Среди

несомненных достоинств “Проделок Майсары” — ее яркая театральность, зрелищность, стремительное движение сюжета, выпуклые национальные характеры, выразительный мелодизм, умелое наполнение привычных оперных форм глубоко национальной по характеру музыкой. Это сочинение — убедительный пример нерасторжимого единства национального и общечеловеческого.

Наряду с вершиной его творчества, оперой “Проделки Майсары”, я очень люблю его вокальные сочинения. Сулейман Юдаков был своеобразным композитором. Классик современной узбекской музыки, он писал национальную и, в то же время, интернациональную музыку. И очень важно, что эта музыка стала близка и понятна большому кругу слушателей.

Феликс Янов-Яновский

*Заслуженный деятель искусств
Узбекистана,
профессор
Государственной консерватории
Узбекистана*

Замечательный человек, прекрасный композитор

Я могу сказать, что достаточно близко общался с Соломоном Александровичем Юдаковым. Мы часто подолгу беседовали во время встреч в Союзе композиторов, в консерватории, на различных музыкальных мероприятиях. Особенно запомнилось наше общение, когда он провожал нас с женой домой, иногда так получалось. Мы беседовали на разные темы. Надо сказать, что я знал его не только как композитора, я знал его и как музыкант, исполняющий его сочинения, когда работал в

оркестре и постигал его музыку изнутри...

Считаю, что это был один из самых выдающихся композиторов у нас в Узбекистане, имеющий, безусловно, свой творческий почерк. У него был свой взгляд на жизнь, на мир, на музыку. И это находило свое отражение в его творчестве. Такие его шедевры, как “Хорезмское праздничное шествие”, кантата “Мирзачуль”, комическая опера “Проделки Майсары” и ряд других его произведений, стали классикой узбекской музыки.

Соломон Александрович блестяще владел оркестром. У него была своеобразная манера гармонизации. Он очень хорошо чувствовал традиционную музыку. И это, конечно, накладывало свой отпечаток на его произведения. У него была совершенно индивидуальная манера музыкального стиля. Юдаковская музыка, допустим, музыка к фильму “Фуркат” и к ряду других сочинений, сразу узнавалась. Мне кажется, что он навсегда вписал свое имя в историю узбекской музыки. И когда я говорю своим студентам о том, что традиции существуют не только, скажем, в отношении профессиональной музыки устной традиции, но традиции есть уже и у узбекской композиторской музыки, поскольку за многие годы выработался индивидуальный стиль многих авторов, я имею в виду и Юдакова. Для молодых это предмет изучения, как один из путей дальнейшего развития нашего музыкального искусства.

Мне думается, что музыкальное наследие композитора отличают особая мелодика, особое гармоническое

чутье. Во всем ощути́м его личный взгляд. Когда говорят о почвенности, часто забывают о том, что при всей ее важности композиторское искусство — явление индивидуальное, и потому почвенность есть индивидуальный взгляд на традицию. Иначе бы все было похоже одно на другое. Вот у Юдакова был такой свой яркий взгляд на традиции. Он был замечательным остроумным человеком, был по-особенному восприимчив к юмору. И это, конечно, тоже не могло не отразиться на его музыке. И, кстати говоря, может быть это одна из причин, почему именно Юдаков стал автором первой узбекской комической оперы “Проделки Майсары”. Должен прямо сказать, что и другому его замечательному творению — первому узбекскому комическому балету “Юность Насретдина” — была суждена долгая жизнь на сцене. Но этого пока не произошло в силу целого ряда объективных и субъективных причин. Во всех его сочинениях чувствовалась очень сильная драматургия. Я считаю, что может быть, когда-нибудь к этому балету вернуться, восстановят в подлинном виде. И он будет иметь такой же успех, какой имели “Проделки Майсары”. Глубоко в этом убежден.

Молодое поколение музыкантов, композиторов могло бы взять на вооружение и его безусловную преданность музыке, и его оптимизм, хотя у него была совсем не простая судьба. Он был одиноким человеком, посвятившим всю свою жизнь музыке. У него, как мне кажется, не было врагов, недоброжелателей, он пользовался

огромным уважением, я не видел Юдакова в числе участников хотя бы одного конфликта, не потому, что он был бесконфликтный человек: у него была своя точка зрения на происходящее вокруг, и может быть, поэтому его так уважали. Его оптимизм, доброжелательность, удивительно красивая музыка привлекали к нему внимание очень многих людей.

Аваз Мансуров

*Ўзбекистон Давлат
консерваториясининг
профессори*

Устоз билан танишув

С. Юдаков билан илк бор расмий танишувимиз 1979 йил 17 декабрда, мен Тошкент Давлат консерваториясининг 3-курс талабаси бўлган чоғимда юз берган. У вақтларда “Баҳор” концерт залида Ўзбекистон композиторларининг йирик асарлари тингланиб, муҳокама этиларди ва бу тадбирларда ана шу йўналишдаги ижодкорларнинг барча кўзга кўринган вакиллари қатнашарди. Ўшанда муҳокамада менинг Ҳамза хотирасига бағишланган Симфоник поэма асарим оркестр томонидан ижро

этилди ва унга В. Неймер дирижёрлик қилди. Муҳокама вақтида менинг асарим юзасидан фикр билдириш учун биринчи бўлиб С. Юдаков сўзга чиқиб: “Симфоник поэма менга жуда ёқди. Назаримда, бу асар ижодий етукликка эришган катта ёшдаги ижодкор томонидан яратилган. Бироқ негадир мен бу композиторни танимас эканман, у билан танишиш ниятим бор”, – деди.

Шунда С. Юдаковнинг ёнида ўтирган устозим Б.И. Зейдман мен томон юзланиб: “Аваз, ўзингни кўрсат!” – деди. Мен ўрнимдан туриб, С. Юдаковга салом бердим. С. Юдаков эса менга: “Сен?!” – дея ажабланиб қаради. Негаки, ҳозиргина ўзи таъкидлаганидек катта ёшдаги инсон эмас, балки ижодий йўлини деярли энди бошлаган ёш ижодкорни кўришни кутмаган эди. Шу дам у сўзида яна давом этиб: “Ижод этишдан тўхтама, ёзавер, энди мен сени танийман”, – деди.

Шу воқеа бўлиб ўтдию, С. Юдаков менинг хаёлимда ҳақиқий мард инсон сифатида муҳрланиб қолди. Зеро, ҳали бирон бир одамни танимай, унинг ижобий жиҳатларини буткул тан олган ҳолда, у ҳақда яхши фикр билдириб, сўнг “Бу одамни кўрсатинг” дейиш ҳар кимнинг ҳам қўлидан келавермайди. Менинг назаримда С. Юдаков ҳаётининг ана шу томонлари билан одамларга ўрнак бўлгучи фазилати билан яшаб ўтди. Бинобарин, унинг инсонлар билан бўлган мулоқотларида ҳазил-хузул қилиш одати унинг атроф-муҳитга яхшилик муносабати билан қараганидан далолат беради.

Ундаги айнан шу ижобий ҳолат С. Юдаков ижодининг асосий хусусияти эканлигини кузатиш қий-

ин эмас. Зеро, унинг мусикий тили, ёрқин куйлари бетакрордир. Ўзига хос ижодий услуби асосида вужудга келган бахтиёр ҳаётни тараннум этувчи оҳанглари борлиқни сезувчи инсон томонидан яратилган дурдоналар сифатида гавдаланади.

В связи с именем композитора А. Мансурова подчеркнем следующий немаловажный факт.

В реализации Национальной программы образования республики вышли в свет учебники нового поколения, среди которых следует назвать учебник 2001 года издания для общеобразовательных школ Узбекистана “Музыка для 5 класса” (авторы — А. Мансуров, Д. Каримова). В этом учебнике, в разделе “Оперное искусство”, наряду с двумя другими произведениями, для изучения жанра учащимся республики рекомендована опера С. Юдакова “Проделки Майсары”, как классический образец первой узбекской комической оперы, имеющей высокохудожественное значение.

Ойдин Абдуллаева

*Зулфия номидаги
Давлат мукофотининг
лауреати*

Сеҳрли оҳанглар муаллифи

Мақтабда ўқиб юрган кезларимда бизни, Европа мусиқа адабиёти асосида тарбиялашар эди. Вақти келиб Ўзбекистон композиторларининг асарлари билан ҳам мустақил равишда таниша бошладим. Шунда менинг эътиборимни ўзига буткул тортган ижодкор Сулаймон Юдаков бўлди. Аввалига мени унинг скрипка ва фортепьяно учун “Шарқона поэма”си сеҳрлаб қўйган эди. Юрган йўлимда мазкур асарнинг оҳангини хиргойи қилиб юрардим. Сўнгра эса С. Юдаков ижодий маҳсулидан бирини ўзим ижро этиш бах-

тига муяссар бўлдим. Бу асар скрипка, виолончель ва фортепиано учун “Трио” бўлиб, унда виолончель партиясини мароқ билан ижро этдим. Дарсдан бўш вақтларимда эса бу асарнинг нота ёзувини қайта-қайта фортепианода чалиб, бу қадар жозибадорлик ва мукамалликдан баҳраманд бўлардим. Бу мусиқадан шунчалик таъсирланган эканманки, ҳатто ўзим ёзган илк асарларимдан бирида С. Юдаковга тақлид ҳам қилганман. Бу ҳол мен учун ўзига хос мактаб вазифасини ўтадики, мусиқа яратишда уни авваламбор инсонлар тинглаши учун, тушунарли ва гўзал қилиб яратиш керак эканлигини англадим.

Орадан бир неча йил ўтиб, Ўзбекистон Телевидениесининг 1-каналда “Сеҳрли оҳанглар” номли болалар-мусиқий кўрсатувини тайёрлаб, олиб боришни менга топширишди. Бу кўрсатувнинг мавзуи доираси асосан ўзбек композиторларининг ижодий йўналишини ўз ичига олган эди. Шу имкониятдан келиб чиқиб, 1996 йил 7 июнда туркум кўрсатувлардан бирини тайёрлаб уни эфирга олиб чиқдим. Мазкур кўрсатув С. Юдаков таваллудининг 80 йиллигига бағишланиб, унда санъатшунослик доктори Т. Гафурбеков ҳамда композитор Р. Абдуллаев қатнашиб С. Юдаков ҳақида фикрлар билдирдилар. Шунингдек, бунда мактаб ўқувчилари ҳам қатнашиб, ижодкорнинг сара асарларидан ижро этдилар. Бу ҳол С. Юдаков мусиқа меъросининг ёш авлод томонидан ҳам бугунги кунда пухта ўзлаштирилаётгани ҳамда унинг барҳаётлигига тамал тоши қўйилаётганидан далолат беради. Шубҳасизки, бу кўрсатувда мен севган “Шарқона поэма” ҳам янгради. Умуман

олганда, С. Юдаковнинг мусиқаси ёш танламас хусусиятга эга. Бунда айниқса, ёш авлоднинг С. Юдаков асарларини жуда қисқа муддатларда юксак сифат даражасида сахнага олиб чиқишга муваффақ бўлаётганларини келтириш мақсадга мувофиқдир. Бу хоҳ камер-чолғу асар бўлсин, хоҳ операдан ария бўлсин ёш авлод тафаккурига тез ўрнаша оладиган, тузилиш жиҳатидан оддий, бироқ ниҳоятда мукамал асарлар бўлиб, ижрочининг эътиборини ўзига жалб қилади. Шу боис ҳам йил сайин ёш ижрочилар орасида ўтказилаётган кўрик танловларнинг ижро дастурига шартли ижро сифатида С. Юдаковнинг асарлари киритилмоқда. Натижалар эса шуни курсатмоқдаки, ёш авлод муваффақиятли равишда бунинг удасидан чиқяпти. Шунини ҳам таъкидлаш керакки, С. Юдаков меъроси санъаткор авлодларни вояга етказишда муҳим роль ўйнамоқда. Шундай экан, у доимо ўз барҳаётлигини сақлаб қолиши шубҳасиздир.

Музыканты – ИСПОЛНИТЕЛИ

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

Халима Насырова

*Народная артистка
Узбекистана*

Сулейман Юдаков - один из самых моих любимых композиторов

Сулейман Юдаков — один из самых моих любимых композиторов. Он обладал не только талантом музыканта, но и талантом быть человеком. Юдаков писал прекрасные, искренние песни о любви, дружбе, родине. Его на редкость запоминающиеся мелодии, сразу же становившиеся популярными, сами приглашали всех петь. От них исходил заряд бодрости, приподнятости и веселья. Они с удовольствием исполнялись людьми разных националь-

ностей. Юдаков был знаком со многими традициями музыкальных культур бывшего Союза и предпочитал близкие простому народу жанры. Все это сказывалось на его музыке. Еще начиная с 30-х годов, будучи молодыми актерами, мы, выступая на сценах не только Узбекистана, исполняли многие произведения Сулеймана Юдакова.

Вспоминая прошлое, мне хотелось бы рассказать о моем первом соприкосновении с образом Майсары. Это было давно. В Коканде я видела исполнение роли Майсары в драматическом варианте Марией Кузнецовой. Меня поразило ее воплощение этого образа. Я была удивлена тем, что русская женщина смогла подлинно передать живой и многогранный образ женщины узбекской. Она сумела ярко отобразить характер узбечки, живущей по законам того времени, и поднять проблему женской доли. Сама Маруся-ханум (так ее называли), живя в Узбекистане, была прекрасно знакома с бытом и обычаями народа, великолепно владела узбекским языком.

Позднее я работала в драматическом театре имени Хамзы вместе с неповторимой Замирой Хидоятовой, которая после смерти М. Кузнецовой исполняла все ее роли, кроме одной — Майсары. Но меня по-прежнему интересовал именно этот образ. В 1958 году С. Юдаковым была написана опера “Проделки Майсары” на сюжет пьесы Хамзы. Как потенциальная исполнительница главной роли — Майсары, я способствовала скорейшему продвижению оперы, не без моего участия мы получили

разрешение на постановку раньше срока. Когда композитор показал “Майсару” нам, артистам театра имени А. Навои, мы сразу же влюбились в это сочинение. Эффект такого принятия музыки заключался, как мне кажется, в умелом соединении содержания пьесы Хамзы и фольклорного материала веселого характера, органичном введении речитативов в поистине народную оперу. Ни одной лишней ноты, ни одного лишнего слова! Мы с большим энтузиазмом начали работу над “Майсарой”. Каждый трудился над своим типажом долгие часы, не замечая времени, потому что не было ни одного эпизода, где бы мы не смеялись. Наш энтузиазм привел к блистательной премьере. Для культурной жизни Узбекистана постановка комической оперы стала событием.

... А для себя считаю счастьем, что была удостоена высокой чести быть первой исполнительницей главной роли в этой замечательной опере. Правда, я опасалась, поскольку на премьере впервые играла роль пожилой женщины. Но, полагаю, что партия мне удалась. Майсара — это моя коронная роль. Это мой “золотой фонд”.

Саодат Кабулова

*Народная артистка
Узбекистана,
профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

**Своей известностью,
званием народной
артистки
я обязана
творчеству С. Юдакова**

Сулейман Юдаков — яркий человек, замечательный композитор, автор любимых произведений. Я с удовольствием пела многие его песни и романсы. Первой

же стала “Птичка”, исполненная на русском языке, очень светлая по характеру и интонационно яркая. Я часто исполняла и песню на стихи Ш. Рашидова “Дугоналар” (“Подружки”). В свое время это произведение завоевало большую популярность. И не случайно! Оно наполнено жизненной энергией, несущей людям заряд бодрости и веселья. Песня была очень известна не только в Узбекистане, я пела “Дугоналар” и за рубежом. По сей день произведения С. Юдакова в моем репертуаре. Все мои ученики также исполняют его сочинения.

Сулейман Юдаков — замечательный человек, от природы веселый, жизнерадостный, полный оптимизма. Музыка его является отражением характера открытого и доброжелательного. Когда слышу его произведения, тут же представляю себе его образ.

Впервые я встретила Юдакова в Москве, когда заканчивала там консерваторию. Будучи земляками, мы много общались. Он был старше меня, и однажды я из любопытства спросила его, почему он до сих пор не женат? А он, обладатель прекрасного чувства юмора, ответил, что “его жена — музыка, а детки — его произведения”. Тогда это показалось мне смешным, а сегодня в словах маэстро нахожу особый смысл. Я всегда с глубоким почтением и восторгом относилась к этому жизнерадостному человеку. Он был легок в общении. Его прекрасное настроение разряжало любую сложную обстановку.

Часто я вспоминаю и о постановке “Проделок

Майсары” — замечательной комической оперы С. Юдакова. Ставил оперу режиссер из Москвы В. Канделаки. Спектакль получился удачным. Горжусь тем, что я была первой исполнительницей партии Ойхон. Вспоминается одержимая работа над оперой, увлеченная, без привычного напряжения и усталости. Это была теплая и веселая атмосфера сотворчества.

Сулейман Юдаков — неповторимый, очень самобытный композитор. Всю свою жизнь он посвятил музыке — притягательной, чарующей, в которой чувствуется теплота, восточный темперамент. Своей известностью, званием народной артистки я обязана его творчеству. Именно благодаря музыке великого маэстро я проявила себя и свои возможности.

Куркмас Мухитдинов

*Народный артист Узбекистана,
Лауреат
Государственной премии
Узбекистана*

Каждый образ в “Майсаре” воодушевляет и вдохновляет

После встречи с Сулейманом Юдаковым я понял, что самые веселые люди — это не профессиональные юмористы и сатирики, а, как это ни парадоксально, — музыканты. Для меня он — один из корифеев, выдающийся деятель музыкального искусства и просто очень светлый, общительный человек. Казалось, что он будет жить вечно ...

Его оперу “Проделки Майсары” считаю одной из лучших комических опер советского музыкального театра, и, конечно, одной из лучших узбекских опер, написанных на народ-

ном материале. Когда я только начинал разучивать партию Судьи, Сулейман Александрович был против моего участия в постановке. Он считал, что исполнитель этой роли должен обладать иной тембровой окраской голоса, иной манерой исполнения. Но в процессе работы над спектаклем мое пение настолько убедило Юдакова, что перед премьерой он категорически настоял на том, чтобы партию главного сатирического персонажа пел я. Для второй редакции оперы на сцене ГАБТа имени А. Навои, в премьерном спектакле которой участвовал я, композитором специально была написана “Сцена сна Кози”. Я должен был изображать в ней немного подвыпившего неуклюжего героя, танцующего в окружении прекрасных девушек. Помню, как наблюдая за процессом работы над этой сценой, Сулейман Александрович восклицал: “Не понимаю...” Потом, подумав, добавлял: “а может, так и следует...”

Думаю, самое главное из того, что композитор привнес в узбекскую оперу — это настоящий классический и, в то же время, своеобразный национальный оперный речитатив, основанный на живом “нерве” узбекского народного усуля. В “Майсаре” действительно нет ни одного речитатива-связки. Каждый из них — одушевленный образ, основанный на разговорной пульсации, несущий смысловую нагрузку, определяющий индивидуальное лицо каждого персонажа. Об этом я свидетельствую как оперный певец, представитель национальной вокальной школы.

Знаю, что у большинства наших певцов обязатель-

но есть в репертуаре арии из “Проделок Майсары”, уж очень они светлые, мелодичные, эффектные в исполнении. Жаль только, что эти арии небольшие, ввиду, как мне кажется, стремительной динамики и ускоренного темпо-ритма жанра комической оперы. Так и спел бы вместо одного куплета несколько, настолько располагает к этому материал!

Есть у меня мечта: исполнить романс Сулеймана Юдакова “Не пой, красавица” — шедевр узбекского романса. Слушатели часто говорили мне, что когда романс исполняется на узбекском языке, то и без перевода становится понятно, что написан он на пушкинский текст. Насколько композитор чувствовал поэзию Александра Сергеевича! И сколько бы раз я ни пел этот романс во время репетиций, все время мне кажется, что где-то что-то не так, не то. Поэтому и не выношу его пока на сцену. На мой взгляд, исполнять этот полный неги, возвышенных эмоций романс следует совсем не так, как это обычно делают у нас. Мне видится совсем другая интерпретация. Я рискну исполнить его только тогда, когда почувствую, что полностью передаю его великолепие.

Часто на концертах бывает так, что среди произведений других авторов я пою и отрывки из оперы Юдакова в аудитории слушателей, совершенно далеких от классической музыки. И им нравится! Они воспринимают его музыку с неподдельным восторгом! Было бы замечательно, если бы постановка “Проделок Майсары” была восстановлена в нашем театре. Надеюсь, что это не только мой ностальгический порыв!?!...

Ахад Хамидов

*Заслуженный деятель
искусств Узбекистана*

Незабываемый человек, незабываемый композитор

Портрет Сулеймана Юдакова без его знаменитых кантат и ораторий, крупных хоровых сцен из известной всему миру оперы “Проделки Майсары”, да и просто без обращения к его хоровой музыке, согласитесь, будет неполным. И я, осведомленная о тесных творческих контактах композитора со специа-

ми в этой области, решила предоставить слово одному из мэтров отечественной хоровой музыки, видному хормейстеру Центральноазиатского региона Ахаду Хамидову.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Начну с того, что у довольно серьезного и строгого по внешнему виду маэстро (а кто с ним знаком лично, подтвердит мое мнение) при упоминании имени Юдакова вся строгость с лица сошла, глаза потеплели. Стало ясно, что такая метаморфоза произошла от неожиданно нахлынувших воспоминаний. Мне же показалось, что произошло чудо: одна только фамилия этого узбекского композитора, подобно волшебству, оказалась способна снять всякое напряжение и усталость, вызвать добрую улыбку. Я старалась не упустить ни одной детали воспоминаний из уст главного хормейстера — человека, лично знавшего композитора и часто соприкасавшегося с его творчеством.

В разговоре с Ахадом Вахидовичем важно было уловить суть и интонацию его слов: в чем же кроется природная особенность хорового мышления С. Юдакова, в чем заключается сила эмоционального воздействия его многоголосия, которую необходимо изучать и творчески осваивать?

Ахад Вахидович начал с высказываний Юдакова о хоре:

— Юдаков всегда помнил, что хор, в первую очередь, — прообраз народа. А он, надо сказать, очень хорошо знал характер, мысли, духовные интересы и чаяния

нашего народа, его трудолюбие, неунывающий нрав, доброту и широту души. Так вот, все это Юдаков как настоящий мастер сумел выразить в своей музыке. Я всегда слышу в его хоровых сочинениях звучание чистого и неподкупного голоса народа, его мудрость и совесть, его высокие стремления и порывы, мечты о счастье, мире и справедливости, осуждение зла и насилия. Порой некоторые говорят: "...слишком просто пишет Юдаков". Но ведь и народ-то у нас тоже простой, так что это не случайно. Но главное, музыка его преимущественно жизне-радостна, как и он сам. Возьмите любое его произведение — от песни и романса до оперы "Проделки Майсары" и балета "Проделки Насретдина" (неслучайно он и героев таких выбрал), — все они построены на зажига-тельном ритме, и это говорит о его задорном характере.

... Да, он был из тех, кто, как говорится, "за словом в карман не полезет": на все абсолютно у него был готов ответ, на любую тему он мог рассуждать. Ведь Юдаков был очень оригинальным человеком, никогда не унывал, даже кому-то казался на первый взгляд легко-мысленным, но это было не так. Он был прост в общении, никогда не демонстрировал себя маститым композито-ром. Более того, скажу прямо, мог и ругаться, но и это он умел делать мастерски, поэтому никто не обижался на него, а наоборот, это прибавляло его имиджу еще боль-шую притягательность. Он знал так много анекдотов, как никто другой (с особым восхищением маэстро по-вторил это дважды). Так и в его музыке — юмор ис-

крящийся, тонкий и довольно острый. Будь он сейчас жив — О-о-о! Я представляю его таким же неунывающим, но уже в духе нашего времени. И шутил бы он по современному, потому что он любил жизнь такой, какая она есть — вот такой его характер! Даже в последние годы, когда он особенно плохо себя чувствовал, плохо видел, все равно работал, был полон веры в будущее, и опять-таки сохранял только позитивный взгляд на жизнь, на творчество.

Он не ждал скоротечного творческого результата, всегда был в поиске. На этот счет приведу один пример. Так, его вокально-симфоническая поэма “Алёр”, претерпев в процессе работы 13 вариантов, даже на заключительной стадии, уже на последней репетиции, когда мы с хором, находясь на радио, должны были записывать это сочинение, подверглась еще кое-каким коррективам под команду неуёмного композитора: “а давайте, сделаем так...” Причем, это было не спонтанной прихотью знаменитости, а делалось из желания композитора, обладавшего огромным чувством ответственности за свою работу, довести свое живое собственное детище до совершенства, прежде, чем вынести его на суд слушателей!

В хоровую музыку С. Юдаков щедро старался вдохнуть мелодизм, его гармонии всегда был присущ яркий национальный колорит. Наряду с такими мастерами многоголосной узбекской музыки, как М. Бурханов, М. Левиев, он заложил прочную основу хорового искусства. И мы, несмотря на то, что уже много раз исполняли

произведения С. Юдакова, будем снова и снова выносить их на публику. Я очень люблю его музыку и всегда буду ее пропагандировать!

... Размышляя позднее по поводу сказанного А. Хамидовым, мне хотелось бы подчеркнуть следующее: в последнее время нет-нет, да и проскальзывают “нотки” реакции отдельной части публики: мол, “сколько можно уже исполнять одно и то же!” Тут стоит возразить: новизну надо искать не только в новых, неизвестных дотоле сочинениях, ее надо уметь открывать и в многократно исполняемых шедеврах. Наша Государственная капелла, благодаря мастерству А. Хамидова, поверьте, владеет искусством такого рода “магнетизма”, она умеет ценить повторное возвращение к яркому сочинению, находя все новые и новые интерпретации.

Истинный музыкант — он же реставратор — всегда еще и первооткрыватель, независимо от того, исполняет ли он новинку или известное всем произведение.

Африда Хакимова

*Профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

**Сулейману Юдакову
удалось реализовать
идею
вселенской
человеческой радости**

Наше поколение, родившееся в 40-х, воспринимало детство во многом через впечатления, входившие в нас посредством радио с неизменной утренней гимнастикой, последними известиями, концертами по заявкам радиослушателей, беседами и музыкой, музыкой, музыкой ...

Радио являло собой неотъемлемый информационно-звуковой фон жизни, который по собственной воле можно было приблизить к себе, повернув рычажок и сделав громче доносящиеся до слуха звуки (если это вызывало живой интерес), либо отстраниться от навязчиво-назойливого, скучного — противоположным жестом. Среди множества музыкальных впечатлений некоторые вызывали особенно живой и яркий резонанс в детском сердце, рождая ощущение счастья в динамике движения, как бы “вприпрыжку”. Спустя некоторое время слуховые музыкальные впечатления и привязанности детства соединились с названиями конкретных произведений и именами авторов. Среди таковых была и вокально-хоровая сюита “Мирзачуль” Сулеймана Юдакова, навсегда слившаяся в моем восприятии и памяти с крылатыми легкими движениями, с чистым неомраченным ощущением радости бытия, какое бывает у человека только на самой заре юности. Могу сказать, что и теперь музыка Юдакова в моем сознании прочно ассоциируется с чувством головокружительной комфортности души, захватывающим ощущением радости.

В годы учебы в Ташкентской консерватории состоялось уже знакомство с самим композитором. Правда, правильнее это было бы назвать появлением его в реальности: я узнала С. Юдакова в лицо. Это было в шестидесятых годах. Студентов отпустили с занятий послушать выступления наших корифеев на очередном заседании Пленума Союза композиторов Узбекистана. Пре-

исполненные важности текущего момента (впервые удостоенные чести присутствовать на столь высоком форуме), мы незаметно, как нам казалось, расположились где-то сбоку большого зала.

На трибуну поочередно выходили прославленные мэтры музыкального искусства, большинство из которых увидеть воочию нам довелось впервые. Нечего и говорить, что мы больше смотрели, чем слушали (о чем сейчас я очень сожалею). Произносились затяжные, безусловно, важные речи, которые не затронули не только меня, но и других. Как выяснилось позже, никто из нас ничего не запомнил. Но вдруг... председательствующий объявил выступление Соломона Александровича Юдакова, и к трибуне с противоположного конца, огибая зал, стремительно "покатился" полноватый, небольшого роста подвижный человек, многозначительно поглядывая на присутствующих своими большими с блеском глазами. Голова Юдакова "блистала" под стать его глазам, хотя он был не стар. Взойдя на трибуну, выступавший начал говорить "без бумажки": выразительно, эмоционально, я бы даже сказала, горячо, сопровождая свою речь энергичными жестами и возгласами "Дааа!" Я не слышала слов, а только смотрела, смотрела и смотрела: вот он какой Юдаков... Судя по всему, он на кого-то и на что-то сетовал, распаяясь все больше и больше. В кульминационный момент его глаза стали угрожающе огромными и в ужасе застыли, руки резко взметнулись к голове, и он произнес сакраментальную фразу: "У меня волосы вста-

ли дыбом!”. Если до этого все присутствующие слушали его с улыбкой, подзадоренные его артистизмом, то здесь уже зал не выдержал и взорвался гомерическим хохотом. Дальнейшее же потрясло меня более всего... Юдаков замолк, ошарашенный реакцией зала. Он с неподдельным почти детским недоумением оглядел нас. В глазах выразились и печаль, и обида одновременно. Он делился с нами своим наболевшим, тем, что его глубоко волновало ..., но по какой-то неведомой причине оказался неадекватно воспринятым своими коллегами, единомышленниками, почитателями, которые его искренне любили. Какой парадоксальный разрыв в восприятии ситуации! Чинная торжественность собрания была расчечена неординарным вторжением Юдакова. Он вызвал вспышку смеха, разрядил обстановку, внес свежий импульс, но сам при этом, пусть даже на какое-то короткое время, оказался в одиночестве непонятой личности. То ли окружающие находились под обаянием его художественного амплуа и артистически яркой личности, воспринимая его лишь в шутовски-веселом, балагурном ключе. То ли его редкий добрый дар веселить, радовать очищающим смехом являлся одновременно его собственным крестом, обрекавшим его на непонятость и одиночество по жизни. Но, так или иначе, человеческая драма этого большого ребенка вдруг высветилась так резко и явно, как будто в один момент привиделся весь его жизненный путь.

Позднее, познакомившись с вокально-хоровой му-

зыкой Юдакова подробней в качестве профессионального хормейстера, я поняла незатейливую магию ее очарования. При всей простоте и прозрачности его многоголосия, лаконизме хоровой фактуры, ясности песенных форм с опорой на куплетную повторность, вариантность, мелодизм Юдакова убеждает богатством и бесконечной изобретательностью в выражении музыкальных образов веселья. Вызывают искреннее удивление простота и одновременно богатство вариантов радостного распева, счастье земного бытия, энергия и динамика течения самой жизни, способной творить чудо. Юдакову удалось реализовать в монодийном варианте идею коллективной вселенской человеческой Радости, которую в контрапунктической технике реализовал Великий Кантор в своих кантатах и “Magnifikate”. В пружинно-взвивающейся ввысь мелодии “Алёр”, при всей ее простоте, лаконичности и доступности для исполнения, очень точно по искренней полноте чувств и силе схвачен вариант восточной формулы Ликующей Любви и Общечеловеческого Счастья. Думается, что в самом названии этого произведения — “Алёр”, — состоящем из первых букв арабского алфавита и фонемного комплекса, означающего любовь, маэстро Юдаковым зашифрована восторженная обращенность к Великому Творящему Началу всего, всех и всей Земли нашей.

Фаррух Закиров

*Народный артист
Узбекистана*

Музыка Юдакова в голосах династии Закировых

Я являюсь одним из представителей известной в республике династии певцов, основоположником которой был мой отец, Карим Закиров, знаток традиционной узбекской музыки, один из первых оперных певцов в Узбекистане, обладатель неповторимого своеобразного тембра. Мать, Шоиста Саидова, была актрисой и певицей театра музыкальной драмы и комедии имени Муками. Почти все дети, а

сегодня уже и внуки, стали певцами, пошли по стопам родителей. Многие стали ключевыми фигурами в современном вокальном эстрадном искусстве Узбекистана. Выбор для внуков — Вагифа, Наргиза и Жавохира — также остался за песней.

Репертуар династии Закировых в определенной мере опирался на вокальное творчество узбекского композитора Сулеймана Юдакова. Его популярные песни исполняла Луиза. К мелодиям Юдакова прикоснулся и наш легендарный Батыр, исполнивший одну из основных ролей в фильме “Когда цветут розы” с музыкой маэстро. Его герой Собир музыкально озвучил этот художественный фильм целым рядом песен.

Традиции преемственности особенно коснулись комической оперы С. Юдакова “Проделки Майсары”. Карим Закиров, как известно, был непревзойденным исполнителем партии Муллы Доста. Об этом с большой любовью вспоминает и это анализирует в своих книгах музыковед Вера Зиновьевна Плунгян, очевидец трактовки образа Доста Каримом-ака на премьере спектакля на сцене ГАБТа имени А. Навои в 1959 году. Сам же я всю свою творческую жизнь мечтал исполнить какой-либо фрагмент из этой оперы Юдакова. Считаю, что она — одна из немногих уникальных, самобытных опер, которая приблизила жанр классического искусства к национальному слушателю, снискав любовь у народа. Я вместе с аранжировщиком группы “Ялла” Рустамом Ильясовым попытался записать три номера из оперы. При-

чем художественной задачей аранжировки в первую очередь было сохранение и точное воспроизведение духа музыки, ее оркестровки. К главному “стержню” оригинала мы добавили ударные (ритм-секцию), гитару-бас и соло-гитару, в результате чего, на мой взгляд, получилось своеобразное эстрадное оформление выбранных из оперы номеров. Это любимые оперные отрывки моего отца: ария Муллы Доста, ария Хидоятхона и дуэт Ходжи Дарга и Муллы Доста. Мне приятно отметить то, что записи неоднократно передавались телевидением Узбекистана.

А совсем недавно, опускаю все перипетии создания мною музыки к фильму-мюзиклу “Майсара — суперзвезда”, я, вслед за отцом, сыграл в нем именно роль Доста. Здесь, видимо, сработала творческая генетика, идущая от отца, и магнетизм музыки замечательного композитора Сулеймана Юдакова, создавшего музыкальный образ народного героя, близкого к Насретдину.

Захид Хакназар

*Народный артист
Узбекистана*

Творчество Юдакова всегда впечатляет

Мне приходилось дирижировать многими сочинениями Сулеймана Юдакова самых различных жанров, вплоть до балета “Проделки Насретдина”, который был поставлен уже после ухода композитора из жизни. А потому мне бы хотелось высказать свой взгляд на творчество этого замечательного маэстро. Каждое произведение искусства — это отражение его создателя, его склада души, интеллекта, мировоззрения. У всех это проявляется по-разному. Природа же творчества Юда-

кова имеет солнечно-жизнерадостный характер. Большинство его творений написано в светлых, мажорных тонах с упругим моторным ритмом, с яркими, легко запоминающимися мелодиями, в которых ощущается глубокая связь с интонациями узбекской либо таджикской народной музыки. Во всех сочинениях чувствуется оригинальный почерк автора, их трудно спутать с произведениями других композиторов.

Юдаков — один из тех композиторов XX века, которые быстро откликнулись на события времени. Из симфонической музыки стоит назвать его “Фестивальную увертюру”, написанную к Фестивалю искусств “Мелодии долин роз” с участием среднеазиатских и закавказских республик. Она давно уже переросла рамки того события и с большим успехом исполняется и в наши дни. Солнечная, зажигательная, она пронизана интонациями и ритмами музыки народов Востока.

Данная черта проявилась и в кантатно-ораториальном жанре. В свое время широкую популярность приобрела его кантата “Мирзачуль”, воспевающая покорение Голодной степи. Кантата же “Муборакбод” (“Приветственная”) была приурочена к декаде узбекского искусства и литературы в Казахстане и также снискала себе славу. И даже в этом ряду выделяется “Алёр” (“Заздравная”), широко использующий ритмическое богатство узбекской народной музыки.

Как это очевидно из сказанного, жизнерадостная, оптимистически устремленная в будущее муза узбекско-

го маэстро не могла не откликнуться на празднично-торжественные даты своей страны. Мне бы хотелось в своих воспоминаниях несколько подробнее остановиться на вокально-симфонической поэме “Гимн матери”, особенно близкой мне, тем более, что в ней проявились многие характерные черты узбекской композиторской школы. “Гимн матери” — это сложное по форме сочинение, где переплетаются симфония, вокал и хореография. Автор прибегает к различным средствам искусства, чтобы ярче выразить скорбь матери, страдающей в тяжелые для Родины дни, показать яростную борьбу со злом и, наконец, убедить слушателя в том, что торжество добра неминуемо, что солнце всегда будет светить над миром, давая ему свет и радость, а дети всегда будут счастливы. В этом произведении С. Юдакова проявилось стремление ответить средствами музыки на вечные вопросы, волнующие нас и сегодня.

Ахмад Адылов

*Заслуженный
деятель искусств
Узбекистана,
профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

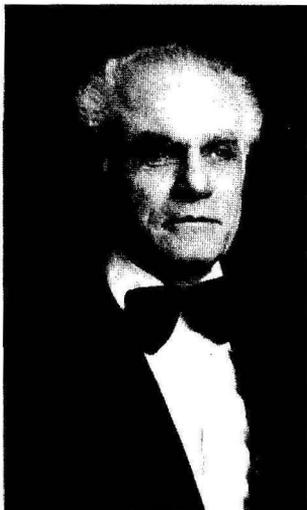
**Я БЫЛ
СВИДЕТЕЛЕМ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
СУЛЕЙМАНА ЮДАКОВА**

Сулейман Юдаков часто приглашал к себе домой Мухтара Ашрафи, с которым он был в дружеских отношениях. В то время, о котором я вспоминаю (1971 — 1974), М. Ашрафи был ректором консерватории, а я работал в должности проректора по учебной работе. Мне часто приходилось бывать

в доме Соломона Александровича вместе с Ашрафи, участвовать в их творческих встречах, дискуссиях по поводу вновь сочиненных произведений.

Особенно мне памятна осень семьдесят первого года, когда в очередной раз состоялась такая встреча. В тот день Соломон Александрович был в творческом состоянии, завершая партитуру вокально-симфонической поэмы “Алёр”. Как сейчас помню его слова по поводу замысла произведения: “Я задумал создать сочинение, рисующее картины природы Узбекистана, бескрайних просторов полей и садов нашего солнечного края. В нем я выражаю свой восторг и пою величальный Гимн этой красоте”. Затем он в сопровождении фортепиано спел мелодии, представив основные разделы поэмы. После прослушивания Мухтар Ашрафович дал высокую оценку новому произведению, сказав: “В “Алёре” вам удалось создать композиторский опус, очень близкий народно-танцевальному жанру. Эмоциональная сила ваших произведений рождает энергию мысли. В них всегда слышен голос народа”.

... Мне приятно было быть свидетелем рождения нового талантливое детища С. Юдакова, творческого общения двух выдающихся представителей нашей музыкальной культуры. И у меня, уже в который раз, осталось впечатление о Сулеймане Юдакове, как о настоящем художнике, обладавшем чрезвычайно тонким вкусом, чувствовавшим все нюансы народной музыки и своеобразно передававшим их в своих неповторимых произведениях.

Анвар Левиев

*Профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

**“Визитной карточкой”
нашего оркестра
являются песни
“Дугоналар” и
“Жон Ўзбекистон”**

Сулейман Юдаков в моей памяти остался человеком ярким и незаурядным, обладавшим прекрасным чувством юмора, оптимистом, любящим жизнь. Он всегда был в гуще людей и

событий. Во многих сочинениях мастера чувствуется угаданный пульс времени. Такие черты характера, как человеколюбие, доброта нашли отражение и в его творчестве. Он — автор мелодий, которые стали народными. Особенно яркое тому подтверждение — опера “Проделки Майсары”.

Я очень люблю его музыку. В ней ощущается свое, индивидуальное, интересное. Для оркестра узбекских народных инструментов С. Юдаков не писал специальных опусов. Его произведения существуют в виде переложений для этого оркестра, так как по своему национальному колориту они близки звучанию народных инструментов. “Визитной карточкой” оркестра являются песни “Дугоналар” (“Подруги”) в исполнении народной артистки Саодат Кабуловой и “Жон Ўзбекистон” (“Родной Узбекистан”) в исполнении Бахрома Мавлянова. Наш коллектив часто гастролировал и включал в свой репертуар произведения С. Юдакова — классика современной узбекской музыки.

Галина Калмыкова

*Профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

Памятный подарок пианистам

Удивительно единодушны в оценке творчества Сулеймана Юдакова и специалисты, и любители музыки. Талантливый композитор! Художник яркой самобытной индивидуальности! Его произведения, наполненные ароматом национального фольклора, покоряют вдохновенностью эмоций, жизнерадостностью восприятия, естественностью и логичностью формы.

Творческий багаж композитора изобилует разнообразными жанрами: здесь

и симфонические произведения, и камерно-инструментальные, и кантатно-ораториальные, и музыкально-сценические, и многочисленные романсы, и песни, и хоры ... Не повезло только пианистам. Несмотря на то, что сам композитор, по свидетельству современников, прекрасно владел фортепиано (это подтверждают и партии фортепианного сопровождения в его вокальных и скрипичных произведениях), он, к сожалению, не оставил опусов для специального фортепиано. Единственным подарком, адресованным пианистам, но для двух фортепиано, явилась "Танцевальная сюита". Написанная в 1948 году, она стала первым опытом этого жанра в Узбекистане.

Обращение к новому жанру не было случайным. Известно, что композиторское творчество и концертное исполнительство — процессы взаимосвязанные: интерес композиторов к различным жанрам часто определяется активностью исполнителей. Так именно в это, послевоенное, время начинает активизироваться процесс концертного исполнительства, в частности фортепианного ансамбля. Однако, надо заметить, что деятельность фортепианных дуэтов даже в масштабе всей страны была тогда явлением редким. Поэтому не удивительно, что сочинений такого жанра в Узбекистане не было.

Наибольшей известностью пользовался в то время дуэт московских музыкантов — братьев Адольфа и Михаила Готлибов. Талант этих пианистов, большой и разнообразный репертуар их дуэта, высокая исполнительская культура ансамблевого музицирования принесли им

заслуженный успех. Они много гастролировали, звучали по радио. Общение с этими музыкантами, безусловно, явилось ярким импульсом, вдохновившим С. Юдакова на создание собственного произведения для двух фортепиано. Так появилась “Танцевальная сюита”. Первыми ее исполнителями и стали братья А. и М. Готлибы, осуществившие запись произведения на московском радио. А. Готлиб сделал концертную обработку сюиты, и в 1964 году она была издана под его редакцией (Издательство “Музыка”, Москва, 1964 год). В Ташкенте “Танцевальная сюита” впервые прозвучала в исполнении педагогов Ташкентской консерватории профессора А. Литвинова и доцента Л. Шварц. Этот впоследствии прославленный фортепианный дуэт возник как раз в год написания сюиты — в 1948 году. За более чем тридцатилетний период своего существования данный ансамбль познакомил общественность Узбекистана с громадной панорамой классического и современного наследия, многие произведения которого звучали в республике впервые. Дуэт неоднократно включал в свои концертные программы “Танцевальную сюиту” С. Юдакова, и она неизменно вызывала интерес публики.

По своим художественным достоинствам сюиту С. Юдакова, действительно, вполне обоснованно можно отнести к одним из удачных страниц творчества композитора. В ней три части, каждая имеет свое название: первая — “Хорезмское праздничное шествие”, вторая — “Азербайджанский лирический танец”, третья — “Фер-

ганская пляска”. Согласно законам жанра все три части контрастны. Торжественного характера мелодия праздничного шествия первой части многократно варьируется в регистровом, фактурном и интонационном обновлении и после лирической песенно-танцевальной средней части вновь возвращается, но теперь уже в обрамлении насыщенной аккордами фактуры, продолжая линию торжественного ликования. Праздничность шествия сменяется томным, прихотливым ритмом лирического танца, который отличают изысканность мелизматике и пряность гармонии. В конце второй части фрагмент танца растворяется в пассаже; он теряет свое ускорение, замирает в *diminuendo* и останавливается на фермате, которая вдруг неожиданно прерывается веселой, уверенной, ритмически упругой пляской; в коде третьей части танец “накаляется” еще ярче и радостно завершает цикл. Причем каждая часть цикла написана очень выпукло и убедительно в смысле строения формы. Это способствует сквозному динамическому действию, и сюита воспринимается легко, как бы на одном дыхании. Прекрасное ощущение танцевальности ритма, красочность тематизма, цельность его развертывания и удобная пианистическая фактура обеспечили “Танцевальной сюите” успех.

В последнее время практика концертирования в фортепианном дуэте получила широкое распространение, и популярность сюиты способствовала включению ее в репертуар вновь создаваемых фортепианных ансамблей. Музыкальная общественность слышала ее в исполнении

доцентов Ташкентской консерватории: В. Качура — Г. Акалаевой, Ю. Михайловской — С. Каганцевой, А. и Э. Захидовых, А. Грингоф — С. Мошкова, а весной 2001 года она прозвучала в Большом зале Ташкентской государственной консерватории в исполнении молодых педагогов вуза С. Асабаевой — Э. Каримовой.

Пользуется “Танцевальная сюита” популярностью и у студенческой молодежи. С недавнего времени фортепианный дуэт стал обязательным предметом в комплексе специальных дисциплин бакалавриата и магистратуры. Совместное музицирование не только обогащает опыт эстрадного концертирования, но и вырабатывает определенные специфические навыки ансамблевого исполнительства, необходимые в будущей профессиональной деятельности пианистов. В репертуарный список этого предмета включаются произведения разных стилей и жанров и обязательно произведения композиторов Узбекистана. Однако, следует отметить, что репертуар современных отечественных композиторов для этой дисциплины еще не велик, и вполне понятно внимание молодых исполнителей к сюите С. Юдакова, которая предоставляет благоприятные возможности для совершенствования и развития этого вида пианистического исполнительства. Диалогический принцип развертывания частей сюиты оказывается прекрасным материалом для развития взаимопонимания партнеров, а ее танцевальные ритмы способствуют совершенствованию синхронности звучания и упругости метра. Красочность мелодий, которые,

множественно повторяясь, сохраняют свою свежесть и звучат всегда “как в первый раз” — все это объясняет внимание исполнителей к сюите. И, действительно, ее художественные достоинства и содержательность не только дают возможность с интересом работать над органичностью сочетаний всех элементов музыкальной ткани, но и вдохновляют к поиску ее художественной концепции в целом.

В 1973 году на кафедре специального фортепиано был организован студенческий конкурс на лучшее исполнение произведений композиторов Узбекистана для фортепиано. Впоследствии он был переименован в Фестиваль музыки композиторов Узбекистана и Средней Азии, и с тех пор ежегодно, в продолжении почти 30-лет, каждую осень кафедра проводит это мероприятие, которое привлекает большое внимание учащейся молодежи, педагогов и композиторов. Трудно переоценить просветительское значение данного акта. И очень часто в финале этих концертов, как говорят, “для изюминки”, звучит “Танцевальная сюита” С. Юдакова. Это очень символично. Такая востребованность — лучшее подтверждение художественной значимости произведения и памяти о талантливом композиторе, который сыграл большую роль в пропаганде отечественной музыки.

Феруза Абдурахимова

*Заслуженная артистка
Республики Узбекистан,
профессор
Государственной консерватории
Узбекистана*

Музыка С. Юдакова всегда восхищает ...

С произведениями Сулеймана Юдакова я часто выступала на различных концертах, форумах. Несколько раз дирижировала ариями и сценами из “Проделок Майсары” и “Праздничной увертюрой” (в переложении для оркестра узбекских народных инструментов А.Б. Юргеева). Музыка Юдакова на протяжении многих лет стабильно сохраняется в репертуаре не только оркестра узбекских народных инструментов. Она звучит постоянно и в исполнении симфонического оркестра ...

У меня на всю жизнь сохранилось ощущение, что сам маэстро — это светлый, жизнерадостный человек, очень открытый, прямо высказывающий свое мнение, при этом не обижая тех, с кем общался. Сразу признавался, нравится ему исполнение или нет. Всегда был погружен в музыку. Радовался, как ребенок, исполнению любой своей миниатюры.

Сабохат Сафарова

*Профессор
Государственной
консерватории
Узбекистана*

Музыка, идущая от сердца

Сулейман Юдаков всегда был веселым и очень отзывчивым человеком. Мне особенно запомнился один вечер, когда в конце 60-х годов музыканты Ферганского музыкального училища выступали в консерватории с отчетным концертом. В программе были произведения Юдакова, который тоже присутствовал в зале и много шутил. Все сочинения Сулеймана Александровича слушатели переполненного зала принимали “на ура!”.

Я сама очень люблю его романсы, часто их исполняла. В его вокальных сочинениях, на мой взгляд, всегда очень интересная партия фортепиано: как говорится, есть, что играть нам, пианистам. Одной из вершин его творчества считаю оперу “Проделки Майсары”. Этот спектакль всегда был любим даже неподготовленным слушателем. Вообще музыка Юдакова — удивительно искренняя, всегда идущая от сердца. В этом, наверное, и заключается ее сила и неувядаемость.

Музыковеды

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

Вера Плунгян

*Профессор Государственной
консерватории
Узбекистана*

Он прославил узбекское музыкальное искусство

“Где голос взять, чтобы звучал века?”

Вильям Шекспир

... Трудно смириться с тем, что веселого, постоянно склонного к юмору человека, художника оптимистической музыки уже нет среди нас.

... Трудно осознать то, что “эпоха Юдакова”, ознаменованная дружескими

творческими связями с Д. Шостаковичем, А. Хачатуряном и другими знаковыми фигурами XX века, ушла в прошлое.

... Трудно осознать эту утрату. Но осталась его музыка, которая в нас, неотделимая часть самой души Узбекистана.

... Трудно было представить, что когда-нибудь мне придется произнести слово в память о композиторе там, где все рано или поздно обретают свой вечный покой. Но мне впервые в жизни пришлось произнести это волнительное для души слово при установке бронзового бюста композитора как биографу и исследователю его творчества. В тот день я выступала наряду с крупнейшими деятелями нашей музыкальной культуры: М. Бурхановым, А. Джаббаровым, Р. Юнусовым, Т. Гафурбековым, Р. Абдуллаевым, журналистом узбекского телевидения Б. Бабаевым и скульптором Я. Шапиро. Скульптурное изваяние, установленное на розовом гранитном постаменте, увековечившее улыбающийся облик С. Юдакова, — это не только благодарная память о нем, но и, наряду с мемориальным музеем, один из символов вечной жизни его имени, его музыки.

... Мне трудно собраться с мыслями, воспроизвести в своей памяти эпизоды творческой сопричастности в один своего рода “фильм” воспоминаний. Ведь позади 25 лет творческих контактов, 37 музыковедческих посвящений самых различных жанров, включая диссертацию, две опубликованных книги и т.д. А потому я попы-

таюсь свои воспоминания озвучить личностными нотами.

Итак, говоря словами поэта Э. Вахидова:

“Простерла память крылья надо мной ...”

Начну с того, что С. Юдаков — художник огромной притягательной силы. В среде музыкантов даже существуют такие понятия, как “традиции Юдакова”, “в стиле Юдакова”. Ярко запоминающаяся, отвечающая духу времени музыка композитора звучит в учебных классах и студиях, на театральных сценах и в концертных залах, на фестивалях и разного рода торжествах, по радио и телевидению, в Узбекистане же она звучит каждый день в виде позывных музыкального эфира. Образно говоря, произведения Юдакова “не сходят со сцены”. Кроме специально сочиненной музыки на радио и телевидении звучат мелодии из его “Родного Узбекистана” и “Карнавального вальса”.

Об успехах композитора, о его популярности можно сказать буквально в связи с каждым произведением. Но особенно это выпало на долю “Майсары”, триумфальное шествие которой началось с 1959 года. Автору этих строк особенно вспоминается восторженный прием оперы на премьере в январе 1959 года почтенными аксакалами в ярких чапанах и великолепных белых чалмах, занявших первые ряды партера. Смех, стоявший в тот вечер в зале, напоминал мне реакцию собравшихся на представления кызыкчи или аския. В памяти оживают и сценические эпизоды первой постановки оперы. И здесь

не могу не отметить большое чутье художника, который для каждого образа сумел подобрать соответствующие краски. По словам Соломона Александровича, “ему приходилось буквально “вытанцовывать” каждый персонаж”. Влюбленность композитора в своих героев передалась и народным артистам ГАБТа имени А. Навои, впервые создавшим на оперной сцене неповторимые образы Майсары (Халима Насырова), Муллы Доста (Карим Закиров), Хидоята (Михаил Давыдов) и другим.

Вспоминаю каскад комических ситуаций, в которых была великолепна Халима Насырова. Так, к примеру, оставшись наедине с Хидояттом, Майсара напоминает незадачливому хвостуну об их уговоре: “Дело провернешь, и к моей Ойхон ночью ты придешь!”. Эту лукавую фразу героиня произносит интригующе, с затяжными паузами. Подобный прием следует считать удачным для воспроизведения комической ситуации, ибо он таит в себе большую силу эмоционального воздействия, увлекает слушателя.

В неподдельно комедийном ключе вела Х. Насырова свою партию и в сцене у дома Судьи, когда веселая вдовушка напевала народную шуточную песню “Бола-бола”. Блистательно было ее амплуа и в третьем действии — настоящем фейерверке “проделок” героини. В обрисовке образа встречаются и элементы аския. Так, “соглашаясь” с Судьей, Майсара — Насырова буквально поражает противника двойственным смыслом своих

Х. Насырова и С. Юдаков.

В. Плу́нган и Х. Насы́рова.

слов: “Алдасам сизни ер ютсин” (“Если обману вас пусть земля проглотит”).

В опере немало фарсовых деталей, как бы перешедших прямо из народного театра. Особенно их много в обрисовке комедийного персонажа Доста. Вспоминается эпизод в исполнении этой партии Каримом Закировым, когда тщедушный герой, говоря о любви к Майсару, в избытке чувств танцует с венником, украшая себя цветком за ухом. Заметим, что в Хорезме бытует такая танцевальная пантомима “Сипса уйин”. Здесь она традиционно использована Достом—Закировым как штрих юмористического плана.

Навсегда останется в памяти и исполнение роли Хидоята Михаилом Давыдовым, создавшим на оперной сцене удивительно пластичный жеманно-кокетливый, женоподобный образ. Именно эта роль артиста увековечена на его памятнике как “звучащая” эпитафия в виде нотной записи первой фразы куплетов “О, моя Ойхон! Ты как сладкий сон!”, о чем мне поведал студент Аркадий Мушеев.

Вспоминается сегодня и теплый полуторачасовой визит к несравненной Халиме Насыровой, как к первой исполнительнице роли Майсары. Это был с моей стороны визит почтительного отношения к 80-летней Халиме-опе с вручением ей экземпляра только что вышедшей книги, на обложке которой запечатлена сцена Майсары (Насыровой) с Хидояттом (Давыдовым). Помню, как при встрече Великая Халима неоднократно целова-

ла обложку книги, а перед проводами гостей (со мной была ее племянница, музыковед Чаман Насырова) прочитала суру из Корана, выразив тем самым благодарность Аллаху за то, что дожила до нынешнего дня.

Отдавая дань замечательной актрисе, поведаю читателям о том, что в начале 60-х годов на одном из спектаклей “Майсары” с участием Х. Насыровой немецкую делегацию буквально потрясла ее удивительно естественная драматическая игра. Я была свидетелем этой сцены в зале в качестве переводчика (незадолго до этого я окончила немецкий факультет Института иностранных языков).

Не могу не вспомнить и о других великолепных исполнителях оперы. Меня покорила в роли Майсары (в новой редакции оперы) солистка ГАБТа имени А. Навои, заслуженная артистка Раиса Чепчеренко. Украинка по национальности, свободно владеющая узбекским языком, она блестяще продемонстрировала владение орфоэпией узбекской речи и национальной манерой сценической игры. Особой похвалы заслуживает и вокально-инструментальный ансамбль “Ялла”, внесший свою оригинальную лепту в сценическую судьбу оперы. Аранжировка “Майсары” показалась мне убедительной и оригинальной.

В свое время мне посчастливилось познакомиться с режиссером польской постановки, художественным руководителем Музыкального театра города Лодзь Чеславом Яросевичем во время его пребывания в Ташкенте

с целью ознакомления с постановкой оперы в узбекском ГАБТе. Он с увлечением изучал материал, как говорится, “в его родных стенах”. Из бесед с гостем из Польши, в которых, кстати сказать, не требовался переводчик (мой собеседник владел русским языком), явствовало, что он был покорен музыкой узбекской оперы и уверен в понимании польской публикой ее комедийного духа и щедрости оригинального мелоса.

Опера в Польше, как известно, имела огромный успех, о чем свидетельствуют многочисленные отклики в газетно-журнальной прессе, 55 спектаклей подряд в первые три месяца, запись оперы по цветному телевидению и даже такой факт, как то, что польский хоккей, по словам композитора М. Таджиева, сопровождался музыкой из “Проделок”. Тут будет кстати вспомнить и о резонансе в печати. В книге польского музыковеда Гжегожа Вишневого “Польско-советские культурные связи в 70-е годы” (Познань, 1980) “Майсара” названа в ряду классических образцов советской оперы. Известный узбекский музыковед Ахмед Джаббаров в журнале “Музик унд Гезельшафт” (1985, №1) писал о роли оперы в интонационном обогащении современной узбекской музыки, о популярности узбекского композитора как у национальной публики, так и у интернационального слушателя. На страницах журнала “Советская музыка” об опере можно прочесть: “прекрасный опыт”, “историческое достижение”, “международное признание”. На состоявшемся “круглом столе” этого же журнала о “Проделках Май-

сары” говорили как о национальной гордости ведущие музыковеды республики Тухтасин Гафурбеков, Чаман Насырова. Из уст первого прозвучало: “Мне кажется, судьбе этого произведения могут позавидовать многие советские сочинения сходного жанра”; из уст второй: “Проделки Майсары” — уникальное явление нашей оперной сцены”.

Не могу не поделиться с читателем тем, как “Проделки Майсары” повлекли однажды за собой комический эпизод, редчайший в издательской практике и очень памятный и дорогой для меня. В связи с 30-летием оперы мною был сдан материал в журнал “Саодат”. Переводчик статьи, привлеченный из журнала “Совет Узбекистони санъати”, ознакомил редколлегию своего журнала с материалом. Я не в курсе всей “тяжбы”, но, в конце концов, статья была “похищена” из журнала, в который была предложена, и опубликована на страницах второго журнала.

Прежде чем изложить свои впечатления о спектакле другого крупного комедийного сценического произведения С. Юдакова — балета “Проделки Насретдина”, — премьеры которого состоялась 16 марта 1997 года, скажу о предистории его появления на свет, ведь его постановка состоялась уже после кончины композитора, через 30 лет после написания балета в первой его редакции под названием “Юность Насретдина”.

В первоначальной своей версии балет претерпел самые различные перипетии. Его музыкальный материал

был одобрен на Художественном Совете, где, к примеру, композитор Манас Левиев отмечал сценичность музыки, а хореограф и балерина Галия Измайлова утвердительно сказала, что музыку к этому балету мог написать только Юдаков. Кстати, фрагмент из “Юности Насретдина” в ее постановке и исполнении имел успех, в том числе и за рубежом, в Египте. Но сам композитор понимал (и он делился со мной), что драматургия балета слаба и мечтал о постановщике, хорошо чувствующем юмор и особенности соответствующей хореографии. Поиски привели в Польшу. Предполагалось, что свой путь “Насретдин” начнет с зарубежной премьеры в городе Гданьске. После переговоров началась подготовительная работа. Но “завоевать” Польшу второй раз (после успешной лодзинской постановки оперы “Проделки Майсары” в 1975 году) композитору было не суждено в связи с начавшимися в то время в стране общественно-политическими событиями.

Балету “Проделки Насретдина” суждено было осуществиться без участия автора благодаря коллективным усилиям. Скажу только, что в нем есть и доля моей причастности. Я порекомендовала в процессе начального этапа работы хореографу из Казахстана Булату Газизовичу Аюханову (по его просьбе) фрагменты музыки С. Юдакова с зажигательными танцевальными ритмами из других сочинений композитора для недостающего материала в клир балета в новой его версии.

А теперь о моих первых впечатлениях от премье-

ры. Спектакль получился ярким, зрелищным, динамичным. Это, по сути, восточная сказка с красочными декорациями и костюмами. В исполнительском плане, на мой взгляд, удачно претворены образы Зумрад (Г. Хамраева), Эмира (В. Геллертов) и Ослика (А. Шалберкин). Успех балета вижу, прежде всего, в том, что он буквально околдовывает публику своей музыкой, танцевальной пластикой. И, тем не менее, в великолепии премьерного спектакля видны были и просчеты (недостаточная обрисовка образа Насретдина, излишняя дивертисментность, неубедительность пролога), которые со временем, думается, будут устранены.

Из оркестровых сочинений С. Юдакова, не перечисляя названия и достоинства других, мне близка по духу своим ликующим пафосом “Фестивальная увертюра”, являющаяся неременным номером многих концертных программ, фестивальных торжеств как в Узбекистане, так и за его пределами. Могу подтвердить это высказыванием видного музыковеда из Москвы А. Григорьевой на страницах журнала “Советская музыка”, где она “Фестивальную увертюру” узбекского композитора ставит в один ряд с “Праздничной увертюрой” Д. Шостаковича. Не лишним считаю привести и слова замечательного дирижера Ю. Силантьева: “Мне очень приятно было дирижировать “Фестивальной увертюрой” С. Юдакова. На мой взгляд, это великолепное произведение”.

Свои воспоминания от восприятия яркой запоми-

находящейся музы композитора хочу завершить впечатлениями о его победно-апофеозных сочинениях кантатно-ораториального жанра, таких, как, например, вокально-симфоническая поэма “Алёр” (“Величальная”). Когда я впервые услышала произведение, то в блеске ритмических вариаций, ассоциирующихся в моем воображении с великолепием национальных жестов и мимики, поистине полнокровно ощутила динамику народного торжества. Настолько убедительно композитор смог воссоздать эту картину большой обобщающей силы. Действительно, слушая гимн — воспевание жизни, чувствуешь, как оживает каждая клеточка твоего существа.

И еще мне хочется отметить, что маэстро всегда защищал свои “детища”. Я была свидетелем ряда таких ситуаций. Так, на генеральной репетиции оратории “Победа”, вместо отсутствующего по болезни певца, 60-летний композитор без всякой вокальной подготовки на виду у всей публики с энтузиазмом “вытянул” достаточно подвижную в темповом отношении и сложную по тесситуре партию солиста, заслужив буквально шквал аплодисментов всех присутствующих. В другом случае он увековечил свой голос, чтобы не сорвать запись на пластинку оперы “Проделки Майсары”: Соломон Александрович исполнил тогда фрагмент партии Хидоята вместо отсутствующего солиста.

А однажды он даже выступил на музыковедческом поприще, написав предисловие к сборнику своих песен в мое отсутствие в городе под моим именем. Так что один не

музыкальный опус композитор подарил мне на память, дол- гую память о добрых человеческих отношениях между маэстро и музыковедом-интерпретатором его творчества.

Память ... Я благодарна судьбе за творческие контакты с таким маститым композитором, как Сулей- ман Юдаков, близким мне, прежде всего, своим оптими- стическим мироощущением. Я с благодарностью вспо- миная общение с ним, его “университеты”, вплоть до споров, напоминающих порой пылкие “бои местного зна- чения”. Несомненно, эти “университеты” помогли мне в таком драматическом эпизоде творческого пути, как пе- резащита на уровне ВАКа. Пригодился к тому же и опыт Майсары против казиев. Так что как музыковед и жур- налист я, безусловно, состоялась благодаря творчеству и личностным качествам замечательного маэстро.

Свое посвящение мне хотелось бы завершить сло- вами В. Шекспира:

“Да, совершенству не нужна хвала,
Но ты ни слов, ни красок не жале́й,
Чтоб в славе красоты пережила
Свой золотом покрытый мавзолей.
Не тронутым таким, как в наши дни,
Прекрасный образ миру сохрани !..”

Тухтасин Гафурбеков

*Заслуженный деятель
искусств Узбекистана,
профессор Государственной
консерватории
Узбекистана*

Пир узбекской музыки

Названное в заголовке асафьевское, а точнее глебовское определение начала 1940-х годов, адресованное Араму Хачатуряну (имеется в виду восточная щедрость неповторимых красок, особая притягательность праздничной атмосферы), я неслучайно использую применительно к Сулейману Юдакову. Причина еще и в том, что в 50-е годы, то есть спустя примерно десять лет, на заре своего музыкального поприща, мы с моими сверстниками по ДМШ № 1 прекрасной Ферга-

ны с каким-то особым удовлетворением играли в духовом оркестре юдаковские “Жон Ўзбекистон” и “Песню сборщиков хлопка” из “Мирзачуля”. Тогда, именно уже в ту пору, для нас, сорванцов военных лет, эта музыка стала своего рода катарсической отдушиной от недавних тягостных реалий ...

По приезду в Ташкент, обучаясь в музыкальном училище, а затем в консерватории, приходилось буквально каждодневно слышать (в аудиториях, учебных и филармонических концертах) произведения композитора. И опять поражал неиссякаемый оптимистический дух, завораживающий интонационный строй его музыки. Причем, осмелившись работать на первом же курсе пианистом-концертмейстером на дирижерско-хоровом факультете и по два раза в неделю “муштруя” студентов тем же “Мирзачулем”, кантатой “Моя Родина”, другими хоровыми и вокально-симфоническими опусами Юдакова, я воочию убеждался в аналогичном их восприятии. Где-то даже казалось, что они (студенты) в известной мере отдыхают, эмоционально разряжаются здесь после обязательных “Месс” и “Реквиемов”.

Непосредственно с самим композитором я стал регулярно общаться с 1970 года, став членом Союза композиторов Узбекистана, и особенно — с 1971 года, будучи избранным членом Правления творческой организации, где Юдаков до последних своих дней поддерживал здоровый тонус, чувство дружелюбия, благодаря поистине незаурядному дару юмора! С прояв-

лением последнего я не раз сталкивался в качестве свидетеля — к тому же в самых нестандартных ситуациях и окружениях. Приведу лишь один пример. Где-то в начале 1980-х годов, будучи в Москве, мы (А. Джаббаров, У. Мусаев и я) случайно узнали, что Юдаков неожиданно для него получил солидный авторский гонорар за только что изданную там партитуру и, разумеется, стали уговаривать его это отметить. Было, скажу прямо, нелегко, ввиду неподходящего времени, и тем не менее, он согласился. Представьте, суровая декабрьская холодина, и четверо уважаемых гостей Союза композиторов снуют по столичным точкам общепита, где оперативно могли бы их обслужить до отлета из аэропорта “Домодедово”! Наконец, договорились с “Арагви”, однако, “аллегрватый” прием пищи и даже небольшая доза фирменного коньяка на нас подействовали так, что мы преждевременно (перестраховочно) прибыли в аэропорт, где нам пришлось (чтобы “убить время”) допивать кофе, заказанный и начатый в обозначенном пункте общепита. Но самый неожиданный “хеппенинг” нас ожидал в так называемой депутатской комнате аэропорта, когда мы столкнулись с одной из крупных руководительниц того времени. Из нашего спонтанного квартета она первым узнала именно С.А. Юдакова и предложила всем нам лететь ее (вылетающим перед нашим) рейсом. Отказываться было неудобно, и мы за компанию с уважаемым маэстро согласились. Приглашенные “на посадку!”, мы обнаружили, что в громаднейшем по тем вре-

менам самолете ТУ — 124, с купейными местами (как в поездах!), куда устроили руководительницу, нам предложили ... самые шумные, надтурбовинтовые сиденья. И когда эта неопиcуемая махина каким-то невероятным образом все-таки поднялась в воздух и стала набирать скорость, вроде бы заснувший Юдаков вдруг поднялся с места и на полном серьезе ... начал стучать в кабину пилотов. А прибежавшей стюардессе заявил: “Остановите самолет, я боюсь на нем лететь. У меня нет ни матери, ни жены, ни детей, пожалуйста, остановите, я сойду (!?)”. Когда из салона стали раздаваться недовольные возгласы, типа: “Юдаков, қилигингиз жуда кўп!”, он, наконец, усмирился и произнес: “Вот вы все шутите со мной, а мне не дали возможности хоть один раз в воздухе подшутить!”. И, тут же усевшись в кресло, ... мгновенно уснул.

И по-человечески, и в профессиональном отношении я рад, что при жизни этого чрезвычайно (в особенности, интонационно) одаренного композитора сумел привлечь его внимание несколькими своими небольшими статьями в московских (журнал “Советская музыка”, 1967, № 7; “История узбекской музыки”, 1979; “Музыкальная культура Узбекской ССР”, 1981) и ташкентских (“Ижоднинг олтин кирраси”, журнал “Совет Ўзбекистони санъати”, 1986, № 11) изданиях. После выхода последней статьи — о названном мною поливосточном феномене в творчестве Юдакова — он счел нужным пригласить автора к себе домой, удостове-

ритель в высказанных соображениях, поинтересоваться, какие его сочинения присутствуют в моих лекциях по “Истории узбекской музыки XX века” и ... угостить французским вином — с модуляцией в добротный зеленый чай.

Размышляя ныне о вкладе Сулеймана Юдакова в музыку Узбекистана, хочу еще и еще раз констатировать: вклад этот — в виде оригинальнейшего, прямо-таки озонирующего интонационного словаря и упомянутого поливосточного начала — беспрецедентен! Считаю, что без Сулеймана Юдакова узбекская музыка XX века была бы существенно обеднена.

Ирина Галущенко

*Профессор
Государственной
консерватории Узбекистана*

Вспоминая С.А. Юдакова ...

Счастливы те, кто испытал радость общения с Соломоном Александровичем Юдаковым. В мое сознание образ этого замечательного композитора и человека вошел в 1969 году, когда я была еще студенткой историко-теоретического факультета Ташкентской консерватории. На первый взгляд этот задумчивый бритоголовый человек с несколько тяжеловатой осанкой, крупной полноватой фигурой мог показаться сдержанно суровым, замкнутым и сложным. В его выразительном

лице всегда отражалась большая культура, глубина и сосредоточенность мысли. Но, взглянув в его огромные по-детски доверчивые глаза, на его благожелательную улыбку, появлявшуюся в процессе общения, становилось ясно, что душа у него необыкновенно добрая, чуткая, нежная и мягкая. Соломон Александрович излучал не только душевное тепло, он представлял собой воплощение высокого нравственного и этического начала, не замутненного корыстью и себялюбием. Несмотря на свой безоговорочный авторитет в музыкальном мире признанного мастера кантатно-ораториального жанра и создателя первой узбекской комической оперы, он был на редкость скромн и даже застенчив. Соломон Александрович обладал ценным даром: отстраняясь от себя, от личной жизни, от эгоцентризма, от эгоизма самоутверждения, он бескорыстно служил Музыке, был ей беззаветно предан. И это особенно притягивало к нему нас, тогдашних студентов, испытывавших огромную потребность в музыкальных знаниях. Уже первое соприкосновение с поистине удивительной личностью Соломона Александровича порождало ощущение сильнейшей сосредоточенности этого музыканта на творчестве, поражающей концентрацией воли и энергии на предмете музыкального искусства.

Навсегда остаются в человеческой памяти моменты непосредственного восприятия увиденного, услышанного и пережитого. На наш духовный мир сильное влияние оказывало все, что нас окружало, с чем мы со-

прикасались в консерватории, филармонии, ташкентских театрах. Общее ощущение, сохранившееся у меня от того далекого времени, можно охарактеризовать так: бурное весеннее цветение, чудесный расцвет музыкальной культуры Узбекистана, уверенно идущего по пути творческого развития. Роль национального оперного театра в те годы была исключительно высока. Несомненным воплощением этого цветения узбекского искусства стало классическое творение С. Юдакова “Проделки Майсары”, удивительно быстро вошедшее в музыкальную жизнь республики. Не было ни одной смешанной концертной программы, даже самой популярной, где не звучали бы любимейшие фрагменты из этой тогда еще, в сущности, совсем новой оперы.

Для музыкантов моего поколения Ташкентская консерватория и Союз композиторов Узбекистана всегда были окружены атмосферой творчества, глубочайшим почитанием. Имена педагогов консерватории и членов Союза композиторов — колоритных фигур произносились с особым уважением. Мечтой каждого было попасть в музыкальную школу талантов. Тогда я, конечно, не могла помышлять о том, что когда-нибудь сама стану педагогом консерватории. На правах “добровольцев” мы охотно посещали прослушивания новых сочинений композиторов Узбекистана в концертном зале “Бахор”, где доводилось нередко встречать Соломона Александровича. Никогда не изгладится в памяти живой облик замечательного композитора, его мудрые, удивительно точные, мет-

кие и лаконичные оценки и высказывания по поводу представленных на обсуждение новых композиторских работ. Поразительно, как бережно, деликатно и даже осторожно критиковал С. Юдаков недостатки и просчеты в сочинениях молодых авторов, с присущим ему чувством тонкого юмора, мягкой иронией и доброжелательностью, указывая на недочеты и промахи.

Но особенно памятны моменты соприкосновения с живым вдохновенным звучанием музыки С. Юдакова, ее потрясающе сильным эмоциональным воздействием на слушательскую аудиторию. До конца дней своих буду помнить торжественное открытие Третьего пленума Правления Союза композиторов Узбекистана 13 ноября 1980 года в концертном зале “Бахор”, когда прозвучали фрагменты из оратории “Победа” на слова Т. Тулы в исполнении Национального симфонического оркестра Узбекистана под управлением Э. Хакназара и хоровой капеллы Узгосфилармонии под управлением А. Хамидова (солистка Р. Чепчеренко). Зал был буквально охвачен особым патетическим чувством, необыкновенным волнением, долго и восторженно рукоплескал исполнителям. Монументальный художественный замысел и пафос образно-эмоционального строя сочинения захватил аудиторию величием своих образов, ярким оптимистическим миропониманием, взволнованным тонусом, “редкой общительностью интонации”, верно замеченной исследователем творчества композитора В. Плунгян.

Впечатляюще звучали фрагменты из этого сочи-

нения на заключительном концерте фестиваля симфонической музыки республик Средней Азии и Казахстана, на торжественном открытии Восьмого съезда Союза композиторов в 1982 году. Примечательно, что в рамках этого съезда были исполнены также “Три пьесы для квартета” С. Юдакова. Они прозвучали в концерте камерной музыки в Большом зале Ташкентской консерватории в исполнении струнного квартета Узгосфилармонии в составе: М. Турдиев (первая скрипка), А. Азимов (вторая скрипка), В. Халикулов (альт), А. Ахмадиева (виолончель). Вслушиваясь в музыку этого сочинения, ясно ощущаешь своеобразие удивительно светлых эмоций, вдохновенность и свежесть чувств, пафос приподнятого настроения.

Неизгладимое впечатление оставили сочинения С. Юдакова, прозвучавшие в концертах Девятого съезда Союза композиторов республики в декабре 1987 года. В концертном зале “Бахор” Национальный симфонический оркестр Узбекистана под управлением Э. Хакназара и детский хор “Булбулча” под управлением Ш. Ярматова исполнили “Гимн мира” и кантату “Дети мира” (оба на слова Т. Тулы), покорив слушателей необыкновенной чистотой и щедростью красок оркестра и хора, солнечным светом, ярким сиянием музыки. Невозможно забыть и концерт квартетной музыки в зале Дома композиторов, где прозвучало одно из самых вдохновенных сочинений мастера — “Восточная фантазия” для струнного квартета в исполнении следующего состава: В. Рей-

дер (первая скрипка), А. Каримов (вторая скрипка), А. Камалов (альт), А. Раимджанов (виолончель).

Могу также засвидетельствовать, что незабываемо яркими событиями стали постановки оперы “Проделки Майсары” на сцене Музыкального театра-студии Ташкентской консерватории. Этот искрометный спектакль, устойчиво сохраняющийся в репертуаре коллектива и поныне, неизменно встречает восторженный прием зрителей. В разные годы его ставили дирижеры Ф. Шамсутдинов, Г. Туляганов, М. Сагдуллаев, А. Дуланов. Яркие незабываемые образы Майсары создали Р. Чепчеренко, Л. Нигматова (Гаибова), М. Оринбаева. Все студенты-вокалисты обязательно проходят через этот спектакль, воспитываясь на узбекской оперной классике. Удачно соединяя в себе юмор с проникновенным лиризмом, произведение С. Юдакова ставит увлекательные задачи перед постановщиками в постижении специфики комической оперы.

Вспоминая встречи с Соломоном Александровичем Юдаковым и его музыкой, еще раз убеждаешься в том, что жизнь и творчество этого композитора могут служить прекрасным примером глубокой преданности человека своему делу, беспредельной влюбленности художника в искусство, а также незаменимым важнейшим средством эстетического воспитания личности.

Деятели культуры

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

Галия Измайлова

*Народная артистка
Узбекистана,
Лауреат Государственных
премий*

Дорогой наш человек

Сулейман Александрович — дорогой наш человек, всегда желанный, никогда не унывающий, жизнелюбивый, коммуникабельный, гостеприимный. Он был очень обязательным и внимательным коллегой, посещал все свои (и не только свои) спектакли, вносил очень полезные коррективы. С ним было всегда приятно работать — настоящий профессионал, легкий в общении человек. Из любой щекотливой ситуации выходил с улыбкой на устах, оригинально разряжал надвигающиеся конфликты.

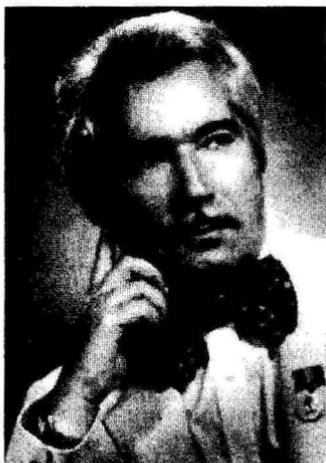
Как многие талантливые люди, Юдаков не трачивал себя на житейские мелочи. Он полностью посвятил себя творчеству, служению высокой музе. Крупные сценические произведения композитора прошли через мою творческую биографию. Я была руководителем хореографической части и одной из первых исполнительниц балетных номеров его комической оперы “Проделки Майсары” и его неоконченного балета “Юность Насретдина”. Не раз давала интервью в прессе о “польском триумфе” Юдакова в городе Лодзи. Мы вместе с композитором присутствовали там на репетициях и на премьере оперы “Проделки Майсары” (я была консультантом-постановщиком балетных сцен).

С большой теплотой вспоминаю свою роль Гули в постановке отдельных номеров балета С. Юдакова “Юность Насретдина”, осуществленной балетмейстером А. Кузнецовым: “па-де-де”, мужская и женская вариации, две коды и общая кода. Я танцевала с прекрасным танцовщиком Сонмасом Бурхановым на протяжении 15 лет, и наш успех был априори запрограммирован самой очень впечатляющей музыкой Сулеймана Юдакова. А дуэт из балета мы часто исполняли на концертах в Москве, Ленинграде, на Украине, Кавказе, на гастролях за рубежом. Кстати, о нашем выступлении в Каире в 1966 году подробно говорится на страницах книги “Сулейман Юдаков” музыковеда В. Плунгян.

Как танцовщица и балетмейстер хочу отметить, что музыка Юдакова очень характерная и танцеваль-

ная. Вся она отличается образностью, эмоциональностью, необыкновенной выразительностью. Для балета она всегда удобна, пластична, независимо от характера этой музыки. И комическая, и лирическая, и героическая сфера музыкальных образов — всё подразумевает пластичность танцевальных движений, и сразу представляешь себе характер музыки, понимаешь, что хотел изобразить здесь автор. Если главным в драматургии для постановщика оперных спектаклей является текст, то для балетмейстера основой в драматургии, опорой служит музыка. И музыка Юдакова яснее всякого текста передаёт содержание, атмосферу и конкретные выразительные характеристики героев. Я перевела его многие вокальные и оркестровые сочинения на язык хореографии, поставив целый ряд массовых танцев. Самое главное, Сулейман Юдаков — это большой талант. Под его музыку невозможно усидеть на месте — невольно появляется желание танцевать.

Музыка его до сих пор звучит в наших сердцах, живет на сцене театров. Мы с ним никогда не прощались ...

Фирудин Сафаров

*Народный артист Узбекистана,
Лауреат Государственной
премии Узбекистана,
профессор Государственной
консерватории
Узбекистана*

Таким он и запомнился

О композиторе Сулеймане Юдакове написано много. Мои воспоминания — штрихи к портрету большого мастера оперного искусства.

Впервые я увидел его в 1977 году. Он сидел, как мы обычно говорим, на директорском стуле и с любопытством смотрел на исполнителей концерта. Вокруг него, вероятно, сидели его знакомые. Изредка он перешептывался с ними, и каждый раз они дружно смеялись. Не будучи еще знакомым с С. Юдаковым, я невольно обра-

тил на это внимание. Вскоре нас представили, и я, к великой радости, узнал, что предо мной жизнерадостный автор знаменитой оперы “Проделки Майсары”. Пишу об этом, потому что в годы моей учебы в Петербургской консерватории (тогда она называлась Ленинградской) опера С. Юдакова входила в круг студенческих интересов. Помня об этом, я с нетерпением ждал встречи с “Проделками...” на сцене.

Знакомство превзошло все мои ожидания. Искристая, наполненная неподдельным юмором, с замечательными мелодиями, удивительно сочными и яркими характеристиками образов, с интересно выстроенной музыкальной драматургией, опера оставляла сильное впечатление. И это несмотря на то, что сценической жизни “Проделок Майсары” было тогда уже почти 20 лет, и опера стала золотым наследием узбекской национальной культуры.

Зал весело воспринимал все, что происходило на подмостках сцены. Мне повезло! Исполнителями оперы были тогдашние любимцы и ее лучшие интерпретаторы. Имена Х. Насыровой, Д. Низамходжаева, Д. Касымова, М. Давыдова были у всех на устах. И это верно! Они достойно занимали и занимают по сей день верхнюю строку в истории развития оперного искусства Узбекистана. Эти артисты и сама опера — национальное достояние республики.

С Юдаковым мы подружились быстро. В 1978 году я был приглашен в качестве сценариста и режиссера

во многие республиканские концерты. И в них популярные сочинения Юдакова не раз приходились ко двору. Достаточно вспомнить “Шодиёну”, “Алёр”, “Пахту”, “Узбекистан”, как читатель сам легко пропоет эти мелодии. Все они легко поддавались эффектным сценическим решениям. Каждый раз перед тем, как включить эти сочинения в программу, я объявлял Юдакову об этом, и каждый раз его волнениям не было границ. В нем всегда подкупала высочайшая ответственность и, я бы добавил, щепетильность. Ему всегда хотелось что-то изменить и улучшить.

Увлекал он и заразительным пением (я имею в виду юдаковское пение за инструментом). Наши отношения стали укрепляться. И это привело к тому, что в 1985 году мы часто стали подумывать о новой постановке “Проделок Майсары”. Причин тому было много. С годами покидали сцену ее корифеи, взаимодействие действующих лиц было нарушено, пропала яркость сценических решений. Все это повлияло на составление перспективного плана новых постановок. “Проделки Майсары” были включены в репертуар театрального сезона 1986 — 1987 годов.

В новой постановке “Проделок Майсары” решено было вспомнить Брехта, его “театр представления”. Такой подход давал широкие возможности для постановки “Проделок Майсары” как “театра в театре”. В Узбекистане с давних пор большой популярностью пользовались передвижные, странствующие театры. Даже

в периоды преследований со стороны властей народ бережно сохранял их как инструмент воспитания и просвещения. Поэтому написанный по моей просьбе эпизод приезда артистов на базарную площадь с восторженной встречей народа выглядел органичным и зрелищным при постановке. В течение короткого времени чайхана превращалась в театральные подмостки, и заезжие артисты при большом скоплении толпы весело представляли своих героев. Этот метод решения спектакля вызвал необходимость использовать напечатанные в конце клавира диалоги, добавить для ведущего вновь написанные пояснительные тексты, связывающие между собой картины.

Во время встреч с Юдаковым мы много импровизировали. Помню, как осенью 1986 года мы с главным дирижером театра Д. Абдурахмановой побывали у него на квартире. Она была обставлена старинной мебелью и производила впечатление застывшего времени. В первые минуты я не мог понять, как уживаются веселый нрав хозяина и эта старина. Только позднее стал ясен этот парадокс. Предметы, окружавшие его, со временем стали ему близкими друзьями, и именно они создавали Сулейману уют, необходимый для творчества.

Приступили к постановке, начав с Хидоята. Я предлагал усилить в Хидояте черту ловеласа, распутника, как того желал Хамза, чтобы было понятно зрителю его желание покорить Ойхон. Подчеркивание женоподобных черт Хидоята хотя и выглядело сценически выигранным, мало согласовывалось с поступками героя. Я

настаивал на усилении мужского начала, уверяя, что Михаил Давыдов не может быть единственным примером. Схожие черты первого исполнителя со своим героем (по Юдакову) — это скорее счастливое и редкое попадание. Я убежден, что именно М. Давыдов послужил прототипом такого Хидоята. Воплощая в дальнейшем этот образ на сцене, я убедил композитора, что приближение героя к авторскому первоисточнику несколько не снижает образ, а наоборот, придает Хидояту черты смешного ухажера, способного перенести любые испытания во имя сиюминутных увлечений. Особенно доволен был Юдаков, когда во дворе Майсары разыгрывалась озорная сценка между козлом и быком. Переодетые в шкуры животных, Хидоят и Судья, спасая свои репутации, послушно выполняли волю Майсары. Они блеяли, мычали, дергались, дрались, отбивались...

Вспоминая эту встречу, хочу остановиться еще на одном примере. Юдаков задумал сцену сна для сластолюбивого старика и сразу увлек нас новым музыкальным материалом. Музыка оказалась удивительно сочной и вызвала массу импровизаций, связанных с “ночным гаремом”. В заключение нашей шумной и смешной переработки я составил сценарий для хореографической сценки. В будущем решение “гарема” балетной труппой обогатило оперу новыми красками. Развивая линию игрового и зрелищного театра, я предложил композитору все арии, ансамбли решать в танцевальном плане, тем более, что они написаны именно в этом ключе. Подумав, он

охотно согласился и, увидев это на примере, выразил удовлетворение. Ловлю себя на мысли, что начинаю рассказывать о создании новой версии. Но задачи я себе такой не ставил, видимо, притягательная сила замечательной оперы делает свое дело.

Вспоминать о С. Юдакове можно долго, ибо был он хорошим рассказчиком, обладал искрящимся юмором, неиссякаемым оптимизмом, знал прекрасно народное творчество, а главное — остался для всех вдохновенным композитором. Я счастлив, что был не только постановщиком его жизнерадостной оперы, но и автором новой сценической версии.

Опера заканчивалась на жизнеутверждающей ноте, когда артисты передвижного театра, сбросив с себя маски героев, вместе с народом весело потешались над человеческими пороками. Во время чествования первой премьеры в 1987 году, прошедшей с огромным успехом, мы пригласили Сулеймана Юдакова на сцену и также быстро разыграли шутовую сценку его появления. Мгновенно сориентировавшись, он радостно подхватил наш розыгрыш, проявляя при этом удивительное озорство, даря каждому свою улыбку. Таким он мне и запомнился ...

Вилюят Акилова

*Народная артистка
Узбекистана*

Вилюят Акилова: "Музыка Юдакова - золотая страница узбекского искусства"

С хореографическим и музыкальным искусством связана вся моя творческая жизнь. Мой отец, народный артист Узбекистана Исахар Акилов, был одним из основоположников узбекского хореографического искусства и много лет дружил с С. Юдаковым, который, можно сказать, был другом нашей семьи, часто приходил к нам в гости. Эти встречи незабываемы, столько было радости, ве-

селья вокруг. Юдаков был мастером не только в музыке, он всегда много и очень удачно шутил, устраивал различные розыгрыши. Но я хотела бы вспомнить о другом, о влиянии его музыки на всех, кто ее слушал, в том числе и на меня.

Насколько мне известно из рассказов моего отца, из других источников, истоки большого таланта этого замечательного композитора и незабываемого человека в том, что он вырос в гуще народа, в древнем Коканде, где родился в бедной семье, работал с детских лет, затем рос в знаменитом кокандском детском доме, многие воспитанники которого стали известными деятелями культуры, науки и искусства Узбекистана. Именно здесь впервые проявился его большой музыкальный талант. В самодеятельном оркестре детдома он учился играть на различных музыкальных инструментах, пробовал сочинять музыку.

В нашем доме наряду с С. Юдаковым часто бывали Муталь Бурханов, Манас Левиев и другие корифеи узбекской музыки двадцатого века. И я благодарна судьбе за то, что росла рядом с этими замечательными композиторами, они оказали большое влияние на мое музыкальное воспитание. Музыка часто звучала в нашем доме, а мои родители, и папа, и мама, будучи балетмейстерами часто прослушивали их произведения, чтобы потом осуществить ту или иную постановку, и я счастлива, что знала и этих людей, и Сулеймана Юдакова. Я люблю все его творчество, но особенно "Памирский та-

нец”, очень красивый, очень трудный для исполнения. В свое время этот танец поставил мой отец, Исахар Акилов, и Галия Измайлова просто блистала, исполняя его. Ведь музыка Юдакова очаровывает, захватывает и исполнителей, и музыкантов. В 2000 году меня пригласила в Лос-Анджелес одна из моих учениц, которая там организовала танцевальный ансамбль “Гулистон”. И вдруг меня просят там поставить “Памирский танец”. Я была сильно удивлена и обрадована. Теперь в репертуаре одной из солисток американского ансамбля узбекского танца есть “Памирский танец” в моей постановке, и я горжусь этим. Теперь это уже наша бессмертная классика.

Тоже самое я могу сказать о самом лучшем произведении Юдакова — первой узбекской комической опере “Проделки Майсары”. Впервые мне посчастливилось увидеть его еще на премьере в 1959 году, когда пели такие узбекские звезды, как несравненная Халима Насырова, Саодат Кабулова, Карим Закиров. Это просто незабываемо. “Проделки Майсары” можно смотреть и слушать снова и снова. Самые добрые слова я могу сказать и о постановке первого узбекского комического балета “Проделки Насретдина” в Большом театре имени А. Навои. Постановка, осуществленная через 30 лет после его создания, меня очень и очень порадовала.

С. Юдаков был очень красивым и жизнерадостным человеком. Рядом с ним находиться, общаться с ним было настоящим праздником. Его бесконечный юмор, оптимизм, доброта, изумительная музыка незабываемы.

Я помню, как однажды на концерте в театре им. А. Навои он сам дирижировал своими произведениями. Тогда весь зал аплодировал композитору стоя.

Юдаков — это большой талант, необыкновенный человек. Каждое новое произведение для него было новой важной вехой в творчестве. Это относится не только к “Проделкам Майсары”, “Проделкам Насретдина”, но и к таким замечательным произведениям, как балет “Мечта”, в котором довелось танцевать еще моему отцу, вокально-симфонической сюите “Мирзачуль”, такому удивительно впечатляющему произведению, как “Алёр” и многим другим. Я считаю, что одной из вершин музыкальной культуры Узбекистана второй половины прошлого века по праву является творчество поистине забываемого С.А. Юдакова.

Бахтиер Якубов

*Директор
ГАБТа им. А. Навои*

Его творчество мы высоко ценим

Мне кажется, что тот, кто хоть однажды слышал музыку С. Юдакова, видел его, подтвердят, что вдохновение, удивительная непосредственность, оптимизм были постоянными спутниками композитора в его жизни и творчестве. Может быть, отсюда идет глубина его таланта, уходящего корнями в узбекское национальное искусство, вызывающего в людях чувство радости, восторга, веры в лучшее, светлое.

Вспомните хотя бы его романсы на стихи А.С. Пушкина “Не пой, красавица” (“Куйлама сохиб жамол”) или “Оламда гуллар яшар”. Невозможно равнодушно слушать их. Невозможно без волнения петь их. Так проникновенно слились воедино музыка и слова.

Сила и обаяние музыки С. Юдакова не только в ее высоком профессионализме, но и в глубоких народных корнях. Вот и опера “Проделки Майсары”, многие годы украшавшая репертуар нашего театра, воспитавшая в духе неприятия зла, борьбы с несправедливостью, торжества правды не одно поколение, вновь возвратилась на сцену театра, обновленная, с новыми декорациями, костюмами, с современной трактовкой любимых образов.

“Проделки Майсары” и сегодня не потеряли своей актуальности, ибо в каждой нашей махалле есть своя Майсара, мудрая, уважаемая людьми, решительная и находчивая в желании помочь своим соседям, близким, активно участвующая в общественной жизни махалли. Именно поэтому коллектив театра с большим энтузиазмом взялся за новую постановку, посвятив ее Году махалли в Узбекистане.

Сегодня совсем не просто найти певцов, которые могли бы встать вровень с корифеями узбекского искусства: К. Закировым, Х. Насыровой, М. Давыдовым, С. Ярашевым, С. Кабуловой, Д. Низамходжаевым и другими участниками первой постановки, но есть прекрасное произведение С. Юдакова, ряд талантливых солистов нового поколения, которым было по плечу взяться за реше-

ние этой сложнейшей творческой задачи, по современному раскрыть образы героев, еще раз вместе со зрителем посмеяться над смешными ситуациями, в которые попадут, благодаря уму и находчивости Майсары, незадачливые герои.

И вот премьера, которая прошла в конце этого сезона и в которой приняли участие такие мастера сцены и их молодые коллеги, как народный артист Узбекистана Рахматжон Латипов (Чупон), Лауреат республиканского конкурса Н. Ахмедовой Саида Мамадалиева (Ойхон), Мавлюда Оринбаева (Майсара), Мехриддин Мелиев (Кози), Шукур Гафуров (Дарга), Нормухаммад Мухамедов (Хидоятхон) и другие исполнители показала, что мы на правильном пути.

Оригинальная постановка осуществлена дирижером-постановщиком — заслуженным деятелем искусств Узбекистана Ф. Якубжановым, режиссером-постановщиком — Х. Касымовым, балетмейстером-постановщиком — народной артисткой Узбекистана Г. Измайловой, хормейстером — народным артистом Узбекистана С. Шадмановым, художником — Д. Раджаповым.

Опера снова заняла достойное место в нашем репертуаре, в будущем сезоне ее смогут увидеть многие наши соотечественники и гости Узбекистана. Думаю, что теперь она будет включаться и в программу наших зарубежных гастролей. В стадии переговоров с Бритиш Американ Тобако Узбекистан и вопрос возобновления замечательного комического балета Юдакова “Юность

Насретдина”, постановка которого была осуществлена в нашем театре в 1997 году, при спонсорской поддержке этого крупнейшего инвестора в Узбекистане. Мы надеемся, что в новом сезоне удастся претворить в жизнь и этот творческий проект. Одно можно сказать с уверенностью — музыкальное наследие Сулеймана Юдакова будет жить многие годы, радуя и вдохновляя все новые и новые поколения узбекистанцев.

Борис Бабаев

*Тележурналист,
кавалер ордена “Дустлик”*

**“Огромная совесть
стоит за плечами,
огромная жизнь
расправляет крыла”**

Встреча с этой яркой, незаурядной личностью, можно сказать, сыграла важную роль в моей жизни. Он был старшим другом, наставником на протяжении довольно длительного периода моей жизни. Я был босоногим мальчишкой, когда наша семья переехала в Ташкент в начале 60-х,

в большой дом с балханой, который принадлежал моей незабываемой, поистине мудрой бабушке Рахиле. В нем, кроме нашей семьи, жило еще немало других наших родственников. Дом гудел как улей с раннего утра и до позднего вечера.

Но самым уважаемым среди всех его жителей был, несомненно, дядя Соломон, человек, сочинявший музыку, живший со своей матерью, как тогда говорили, на квартире у моей бабушки. Каждый выход во двор этого очень веселого человека, композитора, как я выяснил, был просто настоящим праздником для его многочисленных обитателей. Он буквально заводил всех своими шутками, розыгрышами. Жизнь в махалле Укчи, которой теперь нет, очевидно, давала ему много пищи для размышлений. Ведь там можно было увидеть десятки самых различных, очень колоритных образов людей того времени. Живя вот в такой народной гуще, он, очевидно, черпал силы для творчества, потому как именно в тот период Соломон Юдаков и создавал свое великое творение — первую узбекскую комическую оперу “Проделки Майсары”.

Это было в том нашем доме по улице 5 декабря, тупик Бунак, дом №1. И есть нечто символическое в том, что между нашим домом, которого, конечно, нет и в помине, и Узбекским телевидением поднялось здание новой величественной ташкентской консерватории. Наряду с изображениями других великих деятелей узбекской культуры и искусства его украшает и портрет Юдакова.

Наверное, никогда не забуду тот день 1959 года, когда совершенно неожиданно у нашего дома появилась какая-то бортовая машина, которую нанял дядя Соломон, и он пригласил всех желающих сесть в нее, чтобы поехать в театр имени А. Навои. Вот так я оказался вместе со своими дядюшками и тетушками, другими моими родственниками приглашенным композитором на премьеру “Проделок Майсары”. Это был незабываемый вечер для всех нас, особенно для меня, 14-летнего мальчика, который только узнавал мир, начинал искать свое место в этом мире, в этом городе, в этой махалле. Помню переполненный зал, много красиво одетых людей, много цветов, шквал аплодисментов. Звучала изумительная музыка, на сцене возникали образы героев спектакля в исполнении Халимы Насыровой, Карима Закирова, Саодат Кабуловой и других корифеев узбекской сцены.

Помню счастливое лицо Сулеймана Александровича, а также постановщика спектакля, поистине большого мастера сцены Владимира Канделаки. Наверное, именно тогда у меня зародилось огромное чувство уважения к Юдакову, человеку, композитору. Мне было позволено заходить в его удивительно большую комнату, где он творил, где для меня было интересно все. А затем, когда ему дали, наконец, квартиру в Доме специалистов на бывшей улице 9 января, я довольно часто бывал и там. Беседы с ним производили на меня огромное впечатление. Это были своеобразные уроки жизни, времена моего духовного обогащения. Я чем мог, помогал композитору,

помогал его старой матери по хозяйству, когда он уезжал в те или иные командировки. Одно из незабываемых впечатлений — летний вечер, масса народу во дворе бабушкиного дома, с магнитофонной ленты звучит “Поэма о матери”. Композитор, тяжело пережив потерю самого близкого ему человека, создал это впечатляющее произведение и посчитал нужным провести вечер ее памяти именно в нашем старом доме.

Наши встречи затем получили продолжение в последней квартире Юдакова — в Доме композиторов на бывшей улице Гоголя. Здесь происходили наши различные беседы, в том числе и застольные. Он любил приглашать гостей, очень вкусно готовил, красиво накрывал стол и любил, когда ему помогали в этом. Вместе со мной зачастую приходили мои дети Женечка и Саша, моя жена Лариса. Нам всегда было о чем поговорить. А когда я приходил один, он всегда встречал меня неизменным вопросом: “Ну, что нового, Борис?”. И я рассказывал ему все последние новости, приносил некоторые наиболее интересные статьи и материалы о том, что происходило в культурной, политической и общественной жизни.

А потом были некоторые очень важные истории, о которых я не могу не рассказать. Они связаны с тем, как не состоялась премьера “Проделок Майсары” в тельавивском оперном театре, как пропал в Алма-Ате клавир балета “Юность Насретдина”, как была организована его постановка на сцене ГАБТа имени А. Навои и еще некоторые сцены современной жизни, о которых стоит

рассказать, вспоминая незабвенного С.А. Юдакова.

Итак, история первая. Вслед за главным своим творением — “Проделками Майсары”, композитор создает другое крупное произведение. Интереснейший комический балет “Юность Насретдина”. Па-де-де из него с успехом исполнялось на многих сценах бывшего Союза и, конечно, в Ташкенте. Очень интересная музыка, богатый драматический материал, прекрасное исполнение неповторимой Галии Измайловой в дуэте с Сонмасом Бурхановым способствовали этому. Казалось, открыта дорога на большую сцену, но этого не произошло.

Был заказ Министерства культуры, был получен аванс от этого министерства, театр Навои вот-вот должен был решить вопрос о постановке, и вдруг тормозится все. Министерство расторгло договор, сдан обратно полученный аванс. Как мне рассказывал Сулейман Александрович, один из руководителей сферы искусства, человек, принимающий решения, сам композитор, сказал, что нужно отдать ему половину вознаграждения за приобретение балета Министерством культуры, и тогда проект будет осуществлен. Юдаков категорически отказался, не потому, что ему было жалко денег. Он говорил, что не понимает, почему он должен пойти на такую сделку. Ведь балет о Ходже Насретдине, его юности не нуждался в проталкивании. Более того, его постановка могла обеспечить такой же большой успех, как и “Проделки Майсары”. Автор мечтал многие годы, чтобы постановку осуществил талантливый балетмейстер из тогдашнего Ле-

нинграда Борис Эйфман. Ситуация стала тупиковой. Юдаков говорил, что никуда не торопится, что когда-нибудь наступит такой день, когда его мечта осуществится. Ждал более четверти века, не дождался. Была попытка поставить балет силами “Молодого балета Алма-Аты”. Мне удалось познакомить его руководителя Булата Аюханова, одного из лучших танцовщиков и балетмейстеров в СНГ, с Сулейманом Александровичем. Началась подготовка, они обо всем договорились. Но когда Юдаков узнал, что Аюханов решил сделать балет двухактным и сократить третий, он решительно воспротивился и затребовал клави́р обратно. Также неудачно завершилась попытка поставить “Проделки Майсары” в Израиле, на сцене тель-авивского оперного театра. Юдаков ждал только полгода и не хотел считаться с доводами израильтян, что нужно время, и спектакль будет поставлен. Времена были тогда совсем непростые, и решение автора можно было понять.

Теперь снова о ситуации с несостоявшейся постановкой в столице Казахстана. Юдаков требовал через меня, звонил Аюханову, чтобы тот вернул клави́р балета. Тянулось это довольно долго. Наконец, Аюханов позвонил мне и сказал, что отправил клави́р через ташкентского танцовщика Хасана Бозорова, который выступал в программе “Молодого балета Алта-Аты”. Месяца через полтора-два Юдаков снова звонит мне и требует свой клави́р. Я начинаю искать Бозорова, он как-то странно от меня прячется, говорит, что, кажется, отдал Галие Из-

майловой, та категорически отказывается, Юдаков приходит в состояние крайнего волнения, ведь второго экземпляра клавира просто не было! В один из тех дней раздается звонок от Аюханова, он говорит, что только что какой-то тип в черном плаще принес ему в театр сверток с клавиром и тут же исчез. В общем, детектив какой-то. Я немедленно вылетел в Алма-Ату и привез клавира Юдакову. А все то, что произошло, осталось на совести Хасана Бозорова.

История последняя, постановка “Юности Насретдина” на сцене ГАБТа имени А. Навои, через 30 лет после создания. После неожиданной смерти Юдакова в 1990 году я почувствовал острую необходимость решения этой проблемы. Одновременно занимался решением вопроса увековечения памяти любимого мной композитора и замечательного человека. В течение трех лет удалось сделать все необходимое: были изготовлены надгробные плиты, установлен бюст Юдакова, который бесплатно сделал прекрасный ташкентский скульптор Яков Шапиро. Яков Иосифович сказал мне тогда, что понимает, что Юдаков — великий композитор.

Огорчает другое: музей-квартира Юдакова, организованный нами в его квартире после его смерти в соответствии с решением тогдашнего ташкентского горисполкома и Союза композиторов и Музфонда, до сих пор не работает. И никто этим не занимается. Можно об этом только глубоко сожалеть.

О том, как удалось все же осуществить постановку

балета в театре Навои, можно рассказывать очень долго. Постараюсь быть кратким. Впервые в жизни и совершенно неожиданно мне пришлось стать продюсером этого балета. Очень умные люди из созданного в 1994 году узбекско-британского СП “УзБАТ” правильно меня поняли и решили вопрос о спонсорстве балета, выделили для этого \$20 тысяч. Но тогда было положено валюту продавать Национальному банку ВЭД РУз за суммы по курсу Центрального банка. В театр в результате поступило только 700 тысяч сумов. На таком бюджете было нужно сделать все: создать декорации, одеть артистов, оплатить работу приглашенного балетмейстера Б. Аюханова, композитора А. Серкебаева, который оркестровал музыку, драматурга Рихсивоя Мухамеджанова, который написал новое либретто. В общем, расходов было великое множество. И только горячая поддержка тогдашнего директора ГАБТа Бернары Кариевой, коммерческого директора театра Тамары Ташматовой, начальника корпоративного отдела “УзБАТ” Гульнары Махмудовой, генерального директора СП в ту пору господина Питера Тейлора позволили осуществить этот труднейший и интереснейший творческий проект.

Особую благодарность хотел бы выразить Булату Газизовичу Аюханову за оригинальную постановку, талантливейшему художнику Бабуру Исмаилову за великолепно выполненную сценографию, Бернаре Кариевой, дирижеру Захиду Хакназару за их большой труд и вдохновение. Премьера балета, который получил тогда название

“Проделки Насретдина”, прошла с большим успехом. Это был большой праздничный вечер, на котором, к огромному сожалению, не было нашего друга, великого узбекского композитора Сулеймана Юдакова.

Но жива память о нем. Наверное, будет уместно завершить наш рассказ о С. Юдакове словами Блока:

“Огромная совесть стоит за плечами,
огромная жизнь расправляет крыла”.

Они как нельзя точно отражают жизненный путь композитора, который был убежденным оптимистом и посвятил всю свою жизнь только одному — музыке. Он говорил, что семья не дала бы ему осуществить все, что было задумано. А задумано было многое...

С. Юдаков в 40-е годы.

В центре снимка:
С. Юдаков, А. Хачатурян, Д. Шостакович
на пленуме Союза композиторов
Узбекистана
в Ташкенте в 1964 году.

Д. Шостакович, С. Юдаков, М. Левиев, Х. Изамов
на встрече в Ташкенте.

Декада узбекской литературы и искусства
в Москве в 1951 году.

Слева направо:

В. Фере, С. Юдаков, М. Ашрафи, С. Василенко,
Х. Насырова, Р. Глиэр, М. Гнесин, В. Власов, К. Яшен.

С. Юдаков на творческой встрече в одном из колхозов.

С. Юдаков на встрече с московскими гостями.

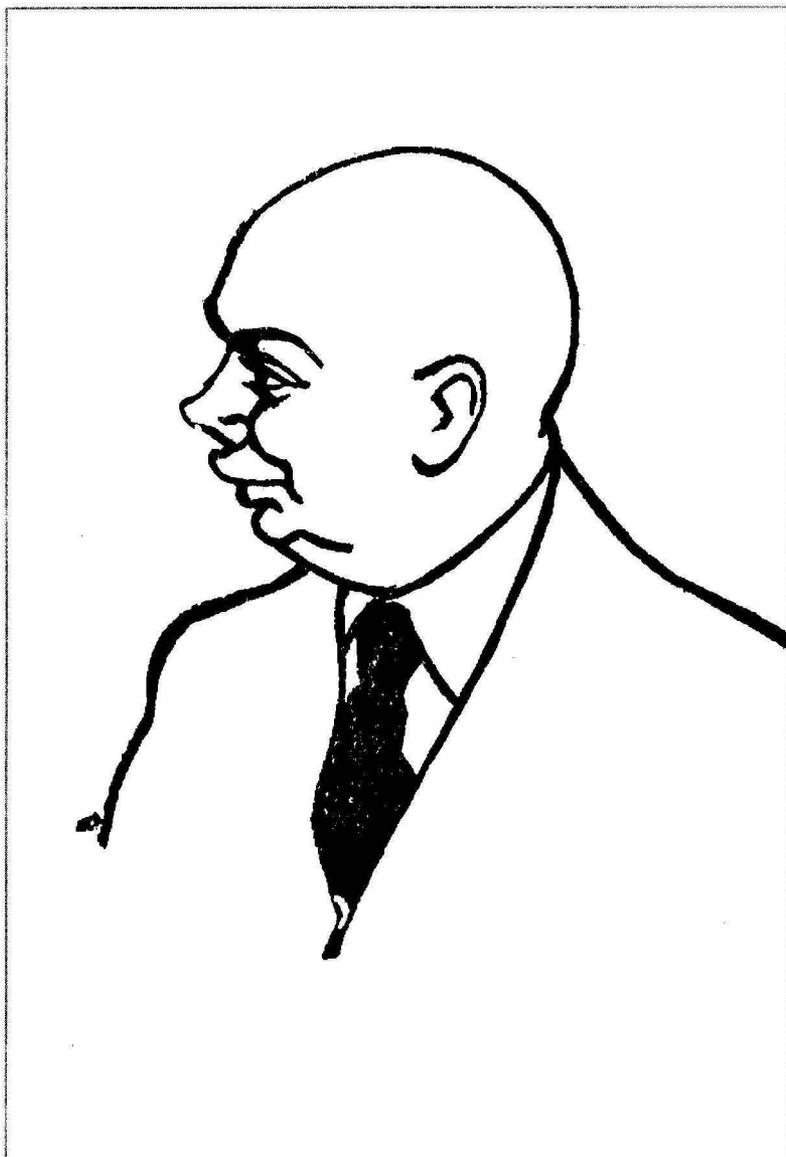
Дружеская встреча с коллегами из театра "Ромэн"
после премьеры спектакля "Проделки Майсары"
в этом театре.

Сулейман Юдаков и биограф композитора Вера Плуныян.

Сулейман Юдаков и знаменитая солистка Большого театра Леокадия Масленникова на одной из творческих встреч в Узбекистане.

Дружеский шарж московского художника Шмидта.

**Публикации,
посвященные
сценической судьбе
произведений
С. Юдакова**

**Сулейман Юдаков в воспоминаниях
современников**

От автора-составителя

У этого балета трудная судьба. Из-за целого ряда проблем, совсем не творческих, он был поставлен только через 30 лет после создания, это отдельная история, которая в нашей книге описана.

Не могу не поделиться с читателями сокровенными мыслями композитора о своем “детище”. Так, спустя некоторое время после создания первого (авторского) варианта балета под названием “Юность Насретдина” (1967), Соломон Александрович неоднократно очень волнительно делился со мной мыслями о необходимости доработки драматургии произведения и время от времени находился в поисках постановщика-хореографа. Это был лейтмотив его постоянных дум. Находясь однажды под сильным впечатлением такого исповедального разговора, как бы в поддержку, вселяя надежду, я вдруг заговорила на редком для выражения своих мыслей языке поэзии:

Вы сегодня не один —
С вами мы и Насретдин.
Пусть скорей увидит свет
Ваш комический балет.

Осуществиться же мечте композитора и моему пожеланию суждено было значительно позже благодаря инициативе друга композитора Бориса Бабаева, задействовавшего огромный коллектив участников для реализации новой редакции балета и его постановки. Увидевший свет балет стал своего рода “заупокойной мессой” для веселого, неунывающего человека, представителя оптимистической, жизнерадостной музыки, каким был Соломон Александрович Юдаков.

Наш знакомый Насретдин. Первый национальный комический балет пришел к зрителям

На сцене ГАБТа имени А. Навои состоялась премьера балета Сулеймана Юдакова “Проделки Насретдина”. Созданный 30 лет назад, он увидел свет рампы благодаря коллективу театра, возглавляемого Бернаррой Кариевой, постановщикам — народному артисту Казахстана Булату Аюханову, народному артисту Узбекистана Захиду Хакназару, художнику Бабурру Исмоилову и конечно, генеральному спонсору — известному своей широкой благотворительностью СП “УзБАТ АО” компании “Бритиш Американ Табако”.

Образ Ходжи Насретдина нам знаком с детства. Сколько веселых и поучительных историй связано с находчивым и остроумным героем народных легенд и сказок, защитником всех обиженных и обездоленных. И понятно стремление представителей разных искусств по-своему “прочитать” этот образ. Существует мно-

жество сценических и экранных версий рассказов о легендарном герое. Но и на таком богатом, многоликом фоне постановка театра имени А. Навои необычна и нова. Она ярко свидетельствует о том, что коллектив по-прежнему ищет новые пути, стремясь соответствовать своей высокой репутации.

Итак, в основе сюжета (либретто Рихсивоя Мухамеджанова) занимательные истории о том, как ум и смекалка народного любимца помогали ему и его друзьям выходить из самых запутанных и трудных ситуаций. Балет прославляет победу добра и любви над завистью и злобой. По сути, это еще один — после знаменитых “Проделок Майсары” — музыкальный шедевр замечательного узбекского композитора. Увлекательные дуэты, изобретательные сольные вариации, характерные и гротескные танцы здесь переплетаются с забавными игровыми сценками и сказочно-фантастическими эпизодами. Следуя за музыкой Юдакова, Аюханов построил почти весь балет на непрерывном танцевальном действии. Он дополнил классические па восточной пластикой, используя мотивы как узбекских, так и других танцев.

Уверенно ведет спектакль дирижер-постановщик Захид Хакназар. Его оркестровые краски яркие и выразительны, он безукоризненно чувствует неповторимый музыкальный стиль автора.

— Музыка Юдакова мне хорошо знакома, — говорит он.

— Со многими его произведениями мне приходи-

лось работать. В том числе 25 лет тому назад дирижировал оркестром, исполняющим сюиту из этого балета. Балет наполнен светом, праздничностью. Он и до сих не утратил своего блеска во многом благодаря казахскому композитору Алмасу Серкебаеву (сыну известного певца), который оркестровал и тем самым “вдохнул” жизнь в его музыку. Дело в том, что у Юдакова музыка “Насретдина” существовала только в клавирном варианте. Ряд номеров представлен одной мелодической линией. Где-то и мне пришлось дорабатывать: важен сплав с хореографией ...

Рождение спектакля неразрывно связано со сценическим оформлением. В данном случае концепцию комического балета определило художественное видение молодого Бобура Исмоилова. Красочные, точные по цвету декорации — словно страницы восточной сказки. Особенно радуют глаз свежесть и щедрость красок в костюмах, играющих немаловажную роль в создании образов. Интересные, неординарные сценические решения, тонкое ощущение восточного юмора — вот что привлекает в работе Исмоилова, впервые заявившего о себе на театральной сцене.

Вообще балет “Проделки Насретдина” — гимн молодости. Эту атмосферу определяет молодежный состав труппы: искренность порой убеждает не меньше, чем зрелое мастерство. Вот веселый и находчивый Ходжа Насретдин, который всегда рядом с теми, кому нужна помощь. Каждым движением танца народный артист

Каракалпаки Замир Нурымбетов старается раскрыть искрящийся добром характер своего героя. Ему удалось верно наметить внешние и внутренние контуры партии. Однако работа над образом, как говорит сам артист, еще продолжается. В партии Зумрад, возлюбленной Насретдина, — солистка театра, народная артистка Узбекистана Гули Хамраева. Ее исполнение отличается не только высокой техникой танца, но и артистической выразительностью. Зумрад — задорная, смелая и в то же время любящая и нежная девушка. Запоминаются партии Эмира (Вадим Гелертов), верного друга Насретдина — ослика (в оригинальной интерпретации Андрея Ляпина и Андрея Шалберкина). Артисты удачно нашли и внешний рисунок своего необычного образа, и характерные юмористические приемы.

Новый спектакль только начинает свою сценическую жизнь. Не все в нем удалось в равной степени. Будем надеяться, что дополнительная работа постановщиков внесет свои коррективы, а время сотрет случайные черты...

“Правда Востока”,
26 марта 1997 года

"Юбилей" Ходжи Насретдина

Сулеймана Юдакова — певца оптимистической музыки, жизнерадостного человека, создававшего либо искрометную комедийно-юмористическую, либо торжественно-гимническую музыку; одинокого, но не унывающего в жизни; гостеприимного хозяина в своем доме — нет среди нас. Остроумный, постоянно склонный к юмору, он ушел из жизни, но оставил людям свои замечательные творения, одно из которых — балет "Проделки Насретдина".

Как-то, выступая на пленуме правления Союза композиторов Узбекистана, С. Юдаков заметил: "Не знаю, будет ли когда-нибудь юбилей Ходжи Насретдина? Может быть, тогда этот балет появится на сцене". И вот мечта композитора осуществляется. В дни всенародного праздника Навруз балет появится на сцене узбекского ГАБТа. Свершится это благодаря многим ценителям и почитателям таланта композитора и, прежде всего, таким

мастерам культуры, как автор либретто Р. Мухамеджанов, хореограф Б. Аюханов, дирижер Э. Хакназар. Они способствуют балету “встать на пуанты”, дойти до зрителя. Иными словами, “юбилей” Насретдина состоится благодаря творческому тандему представителей близких культур, у которых Ходжа Насретдин — общий герой.

Ходжа Насретдин ... Стоит произнести это имя, и на лице у каждого появляется улыбка. Имя этого легендарного героя вызывает в душе особое чувство крылатой радости, жажду самому творить чудеса. Находчивый, никогда не унывающий, лукавый и благородный, он дарит способность зорко видеть доброе и злое, умное и глупое, возвышенное и низкое. У многих народов он гроза ханжей и тупиц. Высмеивая, он обличает. Мудрец и остролов, он воплощает веселье. Собирательный образ на Востоке, он такой же любимец, как на Западе Кола Брюньон и Тиль Уленшпигель, хотя по “географическому охвату” ему нет равных. У него постоянная “прописка” не только на территории Центрально-азиатского региона, но и Кавказа, Передней Азии, Восточной Европы.

В Узбекистане образ Ходжи Насретдина занимает особое место в фольклоре, литературе и искусстве. Это и народные анекдоты об Афанди. И “Повесть о Ходже Насретдине” писателя Л. Соловьева. И комедийный спектакль “Ходжа Насретдин” в театре имени Мукими по пьесе С. Виктовича и Г. Гуляма с музыкальным оформлением Б. Арапова (1948). Это и недавняя постановка оперетты Э. Салихова “Веселый греш-

ник". Это и целая "киноэпопея": "Насретдин в Бухаре" (режиссер Я. Протасов, музыка Б. Арапова и А. Козловского, в главной роли — Лев Свердлин, 1943), "Похождения Насретдина" (режиссер Н. Ганиев, музыка А. Козловского, в главной роли — Р. Хамраев, 1947). Это и съемки нового двухсерийного фильма "Насретдин в Коканде" (режиссер — Э. Давыдов, музыка Э. Салихова, главная роль — Мухаммадсоли Юсупов). Наконец, долгожданная постановка балета С. Юдакова.

Обращение композитора к комедийному сюжету не является случайным. С. Юдаков — автор музыки комедийных спектаклей "Шелковое сюзане" (1951), "Светлый путь" (1951), "Сын женится" в соавторстве с Б. Зейдманом и Ю. Раджаби (1963), комической оперы "Проделки Майсары" (1959), таких миниатюр, как "Два комических танца", "Узбекская юмореска".

Первое "боевое крещение" балет "Проделки Насретдина" выдержал в год своего создания — в октябре 1967 года на заседании художественного совета ГАБТа имени А. Навои с представителями Союза композиторов. Написанный по либретто и режиссерскому плану А. Кузнецова, он был единодушно одобрен и принят к постановке в театре. Отмечались "талантливая музыка", "сценичность" материала и то, что "музыку к этому балету мог создать только С. Юдаков" (А. Кузнецов, Г. Измайлова).

Однако до постановки балета прошло почти тридцать лет. Тем не менее у произведения есть своя "сцени-

ческая судьба”. Она началась еще до завершения балета в целом. Так в марте 1966 года, во время пребывания в Каире, Г. Измайлова и С. Бурханов исполнили “па-де-де” из этого балета. Местная критика с восторгом отзывалась об этом танце, отмечая в нем исключительно гармоничный синтез классики и национального. “Вот что нам нужно!” — таков был отзыв египетских деятелей искусства.

В разговор с читателем мне хотелось бы привести “личностные ноты”, воссоздав в памяти отдельные эпизоды, имеющие отношение к балету. Прежде всего чередой воспоминаний проходят неизгладимые яркие впечатления о музыке балета, с которой вскоре после ее создания меня познакомил композитор в четырехручной фортепианной записи, а также о чтении с листа клавира и “вытанцовывании” отдельных движений у инструмента. Много раз приходилось слышать о попытках композитора найти хореографа-единомышленника, отвечающего духу музыки его балета.

Уже после кончины С. А. Юдакова мне стали известны все перипетии огромных усилий “пробивания” балета на сцену близким композитору человеком, общественным распорядителем его творческого наследия, журналистом Борисом Бабаевым. В конце 1995 года он уже способствовал моему контакту с постановщиком балета, хореографом Б. Аюхановым, которому я по просьбе последнего порекомендовала для ознакомления фрагменты музыки С. Юдакова

с "зажигательными танцевальными ритмами".

Итак, впереди — очередной "юбилей" Насретдина, встреча с этим нестареющим героем. А пока идут репетиции, в которых фантазия и "энергетика" талантов его создателей творит балетную трактовку образа бессмертного "возмутителя спокойствия".

**"Народное слово",
12 февраля 1997 года**

“В жизни я сам - Насретдин”

Хореограф и балетмейстер Булат Аюханов хорошо известен не только в родном Казахстане, но и далеко за его пределами. На его счету — десятки спектаклей, получивших мировое признание. Одной из последних работ мастера стала постановка первого узбекского комического балета “Проделки Насретдина”, премьера которого состоялась в канун Навруза на сцене ГАБТа имени А. Навои.

Наш разговор с Булатом Аюхановым начался, естественно, с вопроса о Насретдине.

— С клавиром балета меня познакомил в свое время сам композитор Сулейман Юдаков. Заинтересовавшись материалом (в нем было много иллюстративной музыки), я пообещал ему поставить спектакль. Но лишь сейчас, спустя годы после смерти композитора, мне удалось это сделать. Подступы к балету были очень трудны. Первым этапом была “сборка” клавира уже на сюжет нового либретто. Второй проблемой была аранжировка. В Алматы я обратился к композитору Алмасу Серке-

баеву, который через полгода уже представил готовую партитуру (он помог сделать и связи между номерами, дописал финал, разработал дуэт). Найденные юмористические краски в музыке определили и комическую природу моей хореографии. Третьим этапом было “вживание” артистов в музыку. Все оркестровые репетиции, которыми руководил приглашенный дирекцией театра дирижер — знаток юдаковской музыки Захид Хакназар — мы превращали лишний раз в сценические. На языке театра это называется “поднятием железного занавеса”.

— **В какой обстановке проходили эти репетиции?**

— Я попал в добрую, творческую атмосферу, хотя, например, руководитель театра Бернара Кариева очень скрупулезно и жестко указывала на недочеты в работе. Судите сами, не было такого момента, когда бы у меня “опускались руки”.

— **Каков ваш подход к работе с артистами?**

— С артистами надо считаться. Это не просто “краски”, “мазки”. Это люди, у которых за плечами опыт, мастерство. С другой стороны, признаю диктат постановщика. Я считаю, чем больше через театр будет “проходить” различных балетмейстеров, тем больше труппа будет подпитываться новыми идеями. Когда мы начали репетировать “Проделки”, первое время артисты были в шоке от темпа моей работы. Но весь спектакль мы поставили за месяц. Трудно в это поверить, но первый акт

был готов за четыре дня.

— **Что бы вы сказали о “Проделках Насретдина” в целом?**

— Это балет для взрослых и для детей, о добре, оптимизме, то есть о том, чего порой не хватает в наше непростое время людям. Наш спектакль решен в стиле комедии дель арте. Образы трактованы как портреты. Чаша весов перевешивается то в сторону Насретдина (Замир Нурымбетов), то в сторону Зумрат, мастерски сыгранной Гули Хамраевой, то Ослика (Андрей Шалберкин). Получился калейдоскоп взаимосвязанных образов в ярком музыкальном и сценическом оформлении. Последнее — заслуга молодого талантливой художника Бобура Исмоилова. Я считаю этот балет шагом не только в моей творческой биографии, но и этапом в творческом развитии театра имени А. Навои. Ведь не каждый театр может похвастаться национальным балетом комического жанра. Надеюсь, что этот спектакль, как и “Проделки Майсары”, станет классикой. Сейчас идут переговоры с театром Анкары о постановке этого балета в Турции. В проект спонсора “УзБАТ АО” компании “Бритиш Американ Тобако” включены гастроли по странам Европы и Америки.

— **В “Проделках” чувствуется, что вам близка природа комического. Каков ваш опыт в этом жанре?**

— Во-первых, в жизни я сам такой же шутник и оптимист, как и Насретдин. Опыт комического был в таких балетах-миниатюрах, как например, “Казахские сувениры”.

— Как часто вас приглашают для постановок балетов другие театры?

— Я ставил “Петрушку” в Бишкеке, “Саломею” в Красноярске, “Болеро”, “Легенду о любви” в Турции.

— У балета есть возраст?

— Нет. В балете есть бездельники или одержимые. Я вот приеду домой и буду танцевать “Болеро” Равеля. Публика ждет этой встречи. Хотя мне скоро будет 59 лет, я должен быть в форме, да такой, чтобы зритель сказал: “Какая красота! Неужели так можно?!” Но если бы мне предложили стать молодым и снова — в балет, я бы отказался: “В балет? Никогда!”. Его бы обходил за километр. Это безумный труд. Это даже не пот и кровь — это добровольная пытка.

— Почему вы все-таки выбрали балет?

— Меня отдали в музыкально-хореографическое училище, чтобы я не шатался по улицам и не превратился в хулигана. Рос я без отца, его репрессировали за два месяца до моего рождения.

— Как вы относитесь к Ташкенту?

— Для меня Ташкент — город высочайшей музыкальной культуры. Он не теряет своих национальных качеств и в тоже время глубоко впитывает в себя все новое, находясь на пересечении гуманистических путей.

— У вас много друзей?

— Я очень легко схожусь с людьми, хотя расхожусь также. У меня весь мир — мои друзья.

“Вечерний Ташкент”, 14 мая 1997 года

Булат Аюханов: “Проделки Насретдина” - это прекрасно”

В тот вечер зал ГАБТа имени А. Навои был наполнен одухотворенным искусством — шла премьера балета Сулеймана Юдакова “Проделки Насретдина”. Зрители живо и искренне реагировали на события, разворачивающиеся на сцене. Как будто бы знакомая история о похождениях легендарного народного героя, рассказанная языком танца и музыки, воспринималась с большим интересом.

Своим успехом спектакль обязан всем его участникам и его создателям — художественному руководителю Бернаре Кариевой, дирижеру Захиду Хакназару, сценографу Бобуру Исмоилову и, конечно же, известному балетмейстеру-постановщику, народному артисту Казахстана Булату Аюханову.

В день премьеры мы предложили ему ответить на ряд вопросов.

— **Булат Газизович, прежде всего поведайте нам историю приглаше-**

ния вас в театр имени А. Навои.

— История эта началась давно. Ведь Сулейман Юдаков создал первый узбекский комический балет 30 лет назад. С композитором меня познакомил журналист Борис Бабаев в один из приездов в Ташкент на гастроли “Молодого балета Алматы”, где я работаю художественным руководителем. Мы неоднократно встречались с Юдаковым, обсуждали вопросы постановки в столице Казахстана, но затем, в силу ряда обстоятельств, этот проект осуществить не удалось. Поэтому я радостно принял предложение поставить балет.

— С чего начиналась работа?

— По моему предложению драматургом Рихси-вием Мухамеджановым было создано новое, оригинальное либретто.

— Сокращение либретто повлекло за собой и изменения в музыкальном материале?

— Конечно. Я “перекроил” клавирный вариант музыки. Оркестровать музыку балета дирекция театра пригласила казахского композитора А. Серкебаева, который сохранил ее национальный дух. С. Юдаков известен как создатель первой узбекской комической оперы “Проделки Майсары”. Балету по аналогии присвоили название “Проделки Насретдина”. В результате получился своеобразный рефрен — первая комическая опера и первый комический балет.

— Как протекала работа над постановкой балета? Кто вам помогал?

— Я встретил в театре такое большое стремление поставить балет, что нам удалось это осуществить буквально в течение одного месяца. Мне импонировала творческая атмосфера, царившая на репетициях. Я воспринимаю как большое везение совместную работу с такими мастерами сцены, как Б. Кариева, Э. Хакназар. Очень помогла исполнительница одной из главных партий — Зумрад. Мне не приходилось за кем-то бегать, кого-то упрашивать, чего-то выбивать. Моя задача была — сделать основу хореографии. Задача же артистов — станцевать в образе, характере, в единении музыки с хореографией. И, как мне кажется, артисты театра имени А. Навои с этой сложнейшей задачей справились успешно.

— **Булат Газизович, расскажите о себе.**

— Я никогда не строил радужных надежд. Буду-чи характерным танцовщиком, танцевал и сложные, серьезные партии. По возвращению в Алматы буду танцевать “Болеро” Равеля. Как я танцую — судить зрителям. Мои самые любимые партии в балетах “Болеро”, “Рассодея в стиле блюз”, “Гамлет”. Выделить любимые балеты, среди поставленных мной, не могу. Все одинаково дороги. Всего я поставил 30 балетов и около 100 концертных номеров, среди них немало юмористических. Таким образом, к постановке комического балета “Проделки Насретдина” я подошел, имея уже определенный творческий опыт. Вообще мне было легко работать над комическим балетом, потому что я очень люблю пошутить, посмеяться, и, видимо, в душе я чувствую себя На-

сретдином. Но не тем, который "с хитрецей, себе на уме", а старающимся внести в нашу жизнь улыбку, раскрепощенность.

Я очень рад, что жизнь балета "Проделки Насретдина" началась, и я внес в его "дыхание" частицу своего сердца, выполнив обещание, данное С. Юдакову. Надеюсь, что не только зритель театра имени А. Навои получит возможность познакомиться с этим замечательным балетом. Сейчас, например, идут переговоры о его постановке в Анкаре. И если этот проект осуществится, то не изменю ни одного штриха в его хореографии. Потому что, как балетмейстер, я творчески удовлетворен.

"Биржевая и оптовая торговля",

7 мая 1997 года

“Проделки Насретдина” - накануне премьеры

Через тридцать лет после создания получит сценическое воплощение первый узбекский балет Сулеймана Юдакова “Проделки Насретдина”. Его постановку осуществит к празднику “Навруз” в театре имени А. Навои известный в СНГ балетмейстер Булат Аюханов. Музыкальная транскрипция балета сделана Алмасом Серкебаевым. Во время недавней командировки в Ташкент известный композитор побывал в редакции нашей газеты, которая помогает в осуществлении этого интереснейшего творческого проекта. Вот, что он рассказал в беседе с нашим корреспондентом.

— Алмас Ермекович, что вас побудило взяться за оркестровку музыки балета узбекского композитора?

— Это очень интересная для меня работа и честь принять участие в поста-

новке высокоталантливого произведения Сулеймана Юдакова. Я окунулся в совершенно новую для меня музыкальную культуру, это совершенно новые краски. Узбекская музыка — это Восток в чистом виде, это какие-то интереснейшие ассоциации. Хотя музыка балета написана давно, она ничего не потеряла. Это очень красивая музыка, созданная великолепным мастером С. Юдаковым. Я получаю удовлетворение от этой работы.

— Если можно, несколько подробнее об этом музыкальном материале, какие ощущения он у вас вызывает? Есть ли предпосылки для того, чтобы возник оригинальный спектакль, тем более комический?

— Я думаю, есть все возможности. Эта музыка обращает на себя внимание, хорошо слушается, мелодичная музыка, хорошо воспринимается. Балет комический по авторскому замыслу, но у нас он получается скорее лирико-комический. При всей комичности сюжета здесь очень добрая, лирическая музыка. Она будет понятна и приятна любому слушателю.

— То есть, вы, можно сказать, открыли для себя Сулеймана Юдакова?

— Да, конечно. Это целый мир.

— А как вы себя ощущаете в Ташкенте?

— Замечательный город, это однозначно, красивый, современный. И при этом со своим неповторимым обликом. Конечно, впечатляют театр оперы и балета имени А. Навои, его великолепное здание, интересный реперту-

ар. Я — сын оперного певца и, можно сказать, вырос в оперном театре. Потому знаю, что говорю. Все это настраивает на то, чтобы наш спектакль получился ярким, красочным и запоминающимся. Я работаю и, как говорится, душа радуется.

— **И потом то, что постановку будет осуществлять такой интересный балетмейстер, как Булат Аюханов, тоже, я думаю, вас вдохновляет?**

— Вы абсолютно правы. Ташкент нас соединил с ним в этой постановке, и это меня радует. Это великолепный балетмейстер.

— **Расскажите немного о себе, какую роль в вашей творческой жизни сыграл ваш отец, выдающийся оперный певец Ермек Серкебаев.**

— Поскольку я родился в семье артиста, с музыкой связана вся моя жизнь. Окончил консерваторию, начал писать музыку. Многому учился в классе великолепного композитора, учился в самом высоком смысле этого слова у Газизы Жубановой. Мной создан балет “Аксакулан”, который шел в нашем театре в Алматы более 10 лет. Я также автор ставшей весьма популярной рок-оперы по сюжету Киплинга на стихи нашего алматинского поэта Дусенбека Накипова. Он бывший артист балета, танцовщик. Им было создано интересное либретто, а потом у меня возникла рок-опера. Несколько лет она пользовалась, можно сказать, бешеной популярностью, аншлаги были бесконечные. Фактически это была в те годы одна из первых рок-опер-балетов. У меня много

произведений для камерного оркестра, много работал в кино, есть три концерта для фортепиано с оркестром. Мною создано также две симфонии, одна из них исполнялась в США.

Много работаю вместе с отцом. Это удивительный человек, я его очень точно чувствую, когда он поет. Я буквально ощущаю себя с ним одним целым, когда аккомпанирую ему. Его оценки, пожелания для меня очень много значат. Одна из моих сверхзадач — быть достойным сыном любимого в нашем народе, да и во всей Центральной Азии, певца Ермека Серкебаева. Я знаю каждое движение его души. Он открыл мне путь в искусство, я воспитывался под сильным его влиянием.

— **Алмаз, я знаю, что во время исполнения одного из ваших произведений была очень интересная история, связанная с королем Швеции. Расскажите о ней немного.**

— Это было 1978 году, в Большом театре в Москве. Днем шел мой любимый балет "Аксакулан" в рамках гастролей казахского театра оперы и балета. И так случилось, что на этот спектакль пришел король Швеции Густав, только что взошедший на престол. После спектакля меня вызывают на сцену. Я весь в волнении, ничего почти не вижу. Выхожу на сцену, раскланиваюсь, очередной раз закрывается занавес. И вдруг ко мне подходят какие-то люди с эполетами, аксельбантами, вобщем иностранцы какие-то и вручают мне награду от короля Швеции — "Голубую муаровую ленту". Эта награда

была передана в музей нашего оперного театра.

— Примите наши наилучшие пожелания с Новым годом. Пусть совместная работа узбекских, казахских артистов и музыкантов при поддержке английских предпринимателей из знаменитой компании “Бритиш Американ Табако” принесет вам радость и счастье. С Новым годом, Алмас!

“Биржевая и оптовая торговля”,
8 января 1997 года

Фрагмент из балета "Проделки Насретдина".

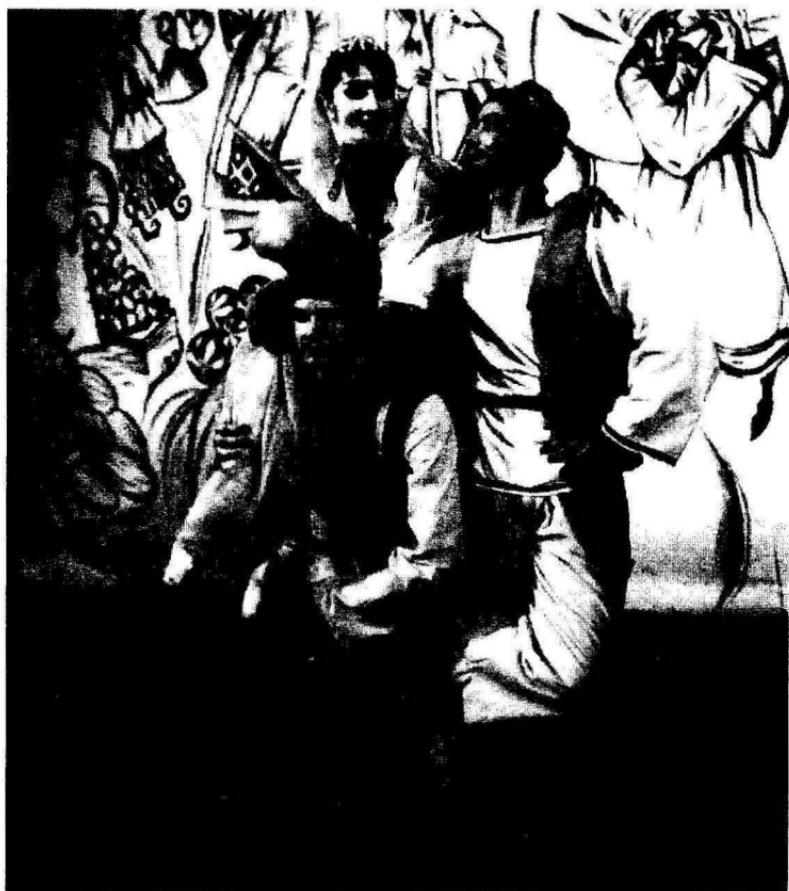
Г. Хамраева, В. Геллертов, З. Нурымбетов в сцене из балета "Проделки Насретдина".

Сцены из балета
"Проделки
Насретдина".

Сцены из балета "Проделки Насретдина".

Г. Хамраева, А. Шалберкин, З. Нурымбетов
в сцене из балета "Проделки Насретдина".

Польская премьера узбекского произведения в Музыкальном театре

Хамза Хаким-заде Ниязи написал в 1926 году комедию “Прежние казии, или Прodelки Майсары”. Затем эта пьеса попала на театральные подмостки. Миновали еще годы, пока к комедии Хаким-заде Ниязи, признанного сегодня “отцом” узбекского театра, композитор Сулейман Юдаков написал музыку, создав тем самым первую узбекскую народную комическую оперу. Поставленная в 1959 году в Ташкенте, она начинает свое триумфальное шествие по сценам всего Советского Союза.

Обратился к ней также наш лодзинский Музыкальный театр, открыв текущий сезон именно польской премьерой “Прodelок Майсары”. Лодзинское представление несколько отличается от традиционных постановок как в самом Узбекистане, так и на других сценах. Причин, повлиявших на изменения в поста-

новке и интерпретации произведения, можно назвать много. Как говорит режиссер постановки Чеслав Яросевич, просмотренные им постановки представляли собой камерные спектакли. Такая условность могла себя не оправдать в Польше, где узбекская культура — не достаточно широко знакомое явление для нашего зрителя. И он решился поэтому на увеличение зрелищности, представляя публике далекое нам произведение. Поэтому он склонил композитора поработать над материалом и разнообразить музыку для лодзинского представления специально написанными танцами.

Возникли также трудности при интерпретации узбекской музыки лодзинскими артистами. И это не удивительно, если с такими же трудностями сталкиваются исполнители в близком Туркменистане или Таджикистане и т.д. Даже в ташкентском театре существуют две версии постановки оперы. Поэтому постановщики в Лодзе опирались на более европеизированную версию — московскую. Изменения эти не нарушили тем не менее колорит произведения и его сущность, о чем наилучшим образом свидетельствует мнение самого Сулеймана Юдакова, который несколько дней находился в Лодзе и участвовал в последних предпремьерных репетициях. Композитор был изумлен "чутьем" наших артистов к далеким им узбекским ритмам, а новизна интерпретации в инсценировке произведения увенчалась его шутивной поговоркой, что "лодзинский театр стал отцом узбекской народной оперетты".

Премьера “Проделок Майсары” состоится в Музыкальном театре 25 октября. Надо добавить, что в премьерном спектакле сольный танец во втором акте исполнит гостящая здесь хореограф постановки — народная артистка Галия Измайлова.

Адаптация и переложение на польский язык сделаны драматургом Станиславом Поволоцким и Кристиной Слонской, постановка — Чеслава Яросевича, театральный художник — Барбара Михевич-Шрайбер, руководитель музыкальной частью — Мечислав Войцеховский.

Лодзь.
Газета “Популярный дневник”,
22 октября 1975 года

Вчера в Музыкальном театре – “Проделки Майсары”

“Прежние казии” или “Проделки Майсары” — это название пьесы, созданной в 1926 году узбекским писателем и драматургом Хамзой Хаким-заде Ниязи, классиком современной узбекской литературы. Произведение это послужило канвой для либретто, которым заинтересовался выдающийся узбекский композитор, лауреат Государственной премии Сулейман Юдаков — ученик Рейнгольда Глиэра в московской консерватории, автор разнообразных произведений: кантат, ораторий, камерных и симфонических опусов, песен, романсов, музыкальных драм и комедий. Он является также создателем Государственного гимна Таджикской республики.

Поставленная первый раз в Ташкенте в 1959 году, “Майсара” Юдакова была признана первой узбекской комической оперой, воссоздающей эпизод борь-

бы простого люда с представителями власть имущих, продажными полицией и судоустройством. После успешной премьеры произведение попало на сцену многих театров Союза, а позже им заинтересовался французский театр... Польскую премьеру удостоил своим присутствием ныне 60-летний композитор.

Музыка короткой увертюры сразу же вводит нас в чарующую атмосферу народной узбекской музыки с ее экзотической мелодикой и своеобразными ритмами. Представляется, что наиценнейшие страницы партитуры — это те, которые наиболее близко связаны с узбекским фольклором. Музыкальная подготовка спектакля была поручена Мечиславу Войцеховскому, который превосходно справился с задачей. Оркестр играл для нас трудную музыку точно и с чувством стиля. Запомнились прекрасно игравшие низкие струнные в аккомпанементе к арии Майсары в первом акте и перед коротким дуэтом Майсары и Хидоята в третьем акте. Сценограф спектакля Барбара Михевич-Шрайбер, как представляется, достоверно воспроизвела узбекские костюмы (характерные тюбетейки, радовали глаз костюмы танцовщиц...). Танцовщицы работали под руководством хореографа, народной артистки Галии Измайловой, которая придала блеск своим динамичным танцем второму акту премьерного представления. Много элементов восточного танца она сумела привить танцовщицам, которые должны еще поработать над пластикой движения рук, воспроизведением каждого жеста. Режиссер и одновременно автор ин-

сценаровки Чеслав Яросевич умело и органично поставил спектакль. Хору можно сказать много слов признательности за чистоту пения и хорошую дикцию. Среди исполнителей главных ролей выделились Эльжбета Птак-Аражкiewicz — Ойхон (деликатное пение, особенно во втором акте), а также Анна Пикерска — в главной роли Майсары, низкое сопрано которой успешно справилось с меццо-сопрановой партией. Понравилось исполнение Збигнева Валеха в партии Чубона, Януша Дуньского в партии забавного Хидоята, великолепное вокальное и теплое исполнение Ежи Гавела (Дост), произвели хорошее впечатление наделенный глубоким басом Идзи Спика в роли Судьи, а также Збигнев Бобовский (Ходжа) — сильный баритон с несколько шаржированной игрой.

После представления композитор С.А. Юдаков сердечно и с большим волнением благодарил лодзинских артистов за их работу.

Лодзь.
Газета "Рабочий голос",
30 октября 1975 года

Из интервью Галии Измайловой о премьерном спектакле “Фигли Майсары” в Лодзе в 1975 году

В своих замыслах польский режиссер значительное место в спектакле отводил хореографии. Сулейман Юдаков любезно согласился дописать музыку к нескольким новым танцам. Я думала, что моя роль в работе над этим спектаклем ограничится лишь постановкой нескольких танцев. Режиссер решил иначе — все выходы героев, буквально все мизансцены решались языком танца. Даже хор, которому отводится традиционно-статичная роль, режиссер “заставил” танцевать. В Лодзь приезжал и Сулейман Юдаков, чтобы композиционно выстроить музыку в соответствии с задачами хореографии. Работать с этим замечательным мастером — одно удовольствие. Нам, артистам балета, особенно нравится его музыка. Мы

ее называем по-своему — очень танцевальной.

23 сентября я приехала в театр. В этот день по существу и состоялась первая репетиция. Это была не-легкая, но очень приятная и захватывающая работа. Видите ли, скопировать механически те или иные движения не так уж трудно, тем более для профессионала. Мне хотелось, чтобы наши польские друзья и коллеги поняли душу танца, овладели его стилем и спецификой в такой же мере, как это сделали бы узбекские юноши и девушки. Работали с огромным энтузиазмом. Репетировали до и после спектаклей, утром, поздним вечером. Лодзинский театр по своему составу —, в основном, молодежный. И надо сказать, молодежь очень чутко реагировала на все мои замечания. В результате мы добились главного — спектакль получился яркий, колоритный.

Репетиции продолжались месяц и 5 дней. 25-26 октября состоялась прэьера. Было много приветственных адресов и цветов от Общества польско-советской дружбы, Советского посольства, от предприятий, учреждений. Это были роскошные корзины цветов и скромные букеты. В первый день восточный танец исполняла я, а на следующий — его танцевала польская балерина Барбара Фигурска.

"Майсаранинг иши" Польшада

Польша Халқ Республикасидаги Лодз театри ўз репертуарини ўзбек композитори Сулаймон Юдаковнинг "Майсаранинг иши" комик операси билан бойитиб, санъат мухлисларини мамнун этганлигини чин кўнгилдан қутламоқ керак.

Мазкур операнинг либреттосига Ҳамза Ҳакимзода Ниёзийнинг асари асос қилиб олинган. Ҳамза 1918 йилда биринчи ўзбек театр труппасини тузган ва бу учун бир неча пьесалар ёзган.

Мазкур комик операда доно Майсаранинг хайратомуз ишлари замирида инсоннинг ҳақ-ҳуқуқи, ўз озодлиги ва эрки учун курашини ифодаловчи ғоялар яширинган.

Атоқли рус композитори Р. Глиэрининг шогирдларидан бири бўлган Сулаймон Юдаков "Майсаранинг иши" операсидан ташқари бир қатор мусиқали драмаларга ҳам куй басталаган, унинг ижодига мансуб бўлган "Насриддиннинг ёшлиги" балети санъат мухлисларининг севимли асарларидан бирига айланган.

Ўзбек халқ мусиқаси анъаналарига

асосланган замонавийлик С. Юдаков ижодининг асосий қиррасини ташкил этади. Мазкур операда ҳам ана шу жиҳатлар бўртиброқ кўринади. Операда миллий колорит ва оҳанг ҳар жиҳатдан алоҳида диққатга сазовордир. Бу эса асар муваффақиятини таъминловчи асосий омиллардир. Лодз театрининг жамоаси ҳам “Майсаранинг иши” операсини саҳнага қўйиш жараёнида масаланинг ана шу томонига алоҳида аҳамият берганлар. Асар оперетта жанри сифатида саҳналаштирилган. Бунда муаллиф С. Юдаковнинг бевосита хизмати бор. У операнинг мусиқасини театр оркестрига мослаштириб қайтадан ишлаб чиқди. Гарчи бу оркестрда доира, ғижжак сингари ўзбек миллий чолғу асбоблари бўлмаса-да, асарда миллий колорит ва оҳанг ўз ифодасини топган.

Операни саҳналаштириш жараёнида ўзбек халқ рақслари ва мусиқасини тўла ифодалашга жиддий эътибор қаратилди. Бу борада композитор С. Юдаков билан ажойиб ўзбек раққосаси ва балеринаси Галия Измайлованинг хизматлари бениҳоя катта бўлди. Бу икки санъаткор, операни саҳналаштирувчи польшаллик ижодкорлар раҳбари Мечислав Войцеховский ва постановкачи режиссёр Чеслав Яросевичлар билан биргаликда иш олиб бордилар. Бу ҳамкорлик асарнинг ҳам мусиқавий, ҳам адабий жиҳатдан муваффақиятли чиқишини таъминлади. Томошабинларнинг гулдурос қарсақлари, залда тез-тез кўтарилиб турган кулги бу фикрга далил бўла олади.

“Майсаранинг иши” операсининг муваффақиятида театр артистларининг хизмати катта бўлди. Хусусан Анна Пикерска, Эльжбета Птак-Арашкевичларнинг маҳоратини алоҳида таъкидламоқ керак. Бу санъаткорлар

Майсара ва Ойхон партияларини маромига етказиб талкин қилдилар.

Спектаклдаги рақсларни ижро этган санъаткорлар ҳам томошабинлар олқишига сазовор бўлдилар. Бир сўз билан айтганда, мазкур опера польшалик санъат мухлисларининг севимли асарларидан бири бўлиб қолди.

Польша - Совет дўстлик жамиятининг органи
“Пшиязнь” журналидан олинди
Ўзбекистон маданияти
1976 йил, 24 февраль

Творец жизнерадостной музыки

К 75-летию композитора
С. Юдакова

Композитор Соломон Александрович Юдаков не дожил год до своего 75-летия, отмечающегося в нынешнем году. В честь 75-летия известного композитора республики состоятся концерты, его музыка продолжает звучать по радио и на сценах театров. Мы попросили поделиться своими воспоминаниями об известном композиторе республики биографа и исследователя его творчества Веру Зиновьевну Плунгян — музыковеда, кандидата искусствоведения, автора книги о Юдакове. Беседу ведет наш корреспондент Э. Адайкина.

— Одно из популярнейших произведений композитора — комическая опера “Проделки Майсары”.

Огромен сценический успех этого произведения, “отметившего” в

1989 году свое тридцатилетие. Как исследователь оперы, внимательно следящий за перипетиями ее “биографии”, чем Вы объясняете это и какова география оперных спектаклей “Майсары”?

— География охватывает не только театры среднеазиатского региона (Ташкент, Самарканд, Душанбе, Бишкек, Ашхабад), но и сцены других городов (Москва, Уфа), зарубежных стран (Франция, Польша). Только на сцене ГАБТа имени А. Навои количество спектаклей к 30-летнему юбилею оперы приблизилось к 300, а количество зрителей, посетивших спектакли, — к 100 000. Можно только представить, как бы выглядела полная статистика!

Думаю, что “Майсару” можно назвать “долгожителем”, и вот почему. Как показывает практика, долгая сценическая жизнь наблюдается у тех произведений, которые пронизаны дыханием народного искусства. Анализ показал, что в опере претворены пятнадцать компонентов узбекского народного театра, элементы аския. Обнаружена интонационная связь с двадцатью народными песнями-прототипами.

Уверена, что еще появятся новые страницы в отечественной и зарубежной “майсариане”. Это явление в искусстве, и опыт создателя столь популярной оперы может быть использован, к примеру, в музыкальных культурах зарубежного Востока.

— Хотелось бы услышать ваше мнение по поводу двух сценических постановок “Майсары” на

сцене узбекского ГАБТа. В своей книге “Сулейман Юдаков” Вы с восхищением писали о премьере оперы в 1959 году. Что можете сказать о новой редакции 1987 года?

— Вторая сценическая версия оперы (режиссер-постановщик Ф. Сафаров), естественно, вызывает интерес и заслуживает внимания благодаря многим оригинальным находкам. Я принимаю новую режиссерскую трактовку. Но у меня все же возникает ностальгия по прежней “Майсаре” (режиссер-постановщик В. Канде-лаки), по непревзойденному, на мой взгляд, исполнению ролей старейшими мастерами сцены, а главное — близости первой редакции оперы духу Хамзы. Вспоминается каскад комических ситуаций, который так великолепно, неподдельно исполняла Халима Насырова (Майсара). Невозможно забыть блистательное амплуа Карима Закирова в партии Муллы Доста. Навсегда останется в памяти исполнение роли Хидоята Михаилом Давыдовым. Именно эта роль по завещанию артиста увековечена на его памятнике как “звучащая” эпитафия.

— В разговоре Вы упомянули о том, что С. Юдаков явился автором не только комической оперы, но и комидийно-сатирического балета о другом “возмутителе спокойствия” — Ходже Насретдине. Какова сценическая судьба этого произведения?

— Прошло уже двадцать с лишним лет с момента создания балета, но он еще не увидел свет рамп. О балете “Юность Насретдина” восторженно отзываются

специалисты. Мне особенно запомнилось высказывание музыковеда Ахмеда Хамидовича Джаббарова: “Балет Юдакова можно будет показывать и вечером, и утром”. Завоевал огромный международный успех фрагмент из этого балета.

Сам композитор в своих грезах о постановке балета как-то не без юмора поделился: “Не знаю только, когда будет юбилей Ходжи Насретдина, чтобы этот балет появился на сцене”.

— В одном из своих публицистических выступлений Вы сравнили “национальную по духу, в целом празднично-торжественную, устремленную ввысь, зовущую ко всему радостному, доброму музыку” Юдакова с народным инструментом-глаша-таем — карнаем. Прибегая к такой аналогии, наверное, имели в виду целый ассоциативный ряд?

— Да. Ассоциации с карнаем применительно к музыке Юдакова возникают и тогда, когда мы обращаем свои мысли в прошлое национальной музыкальной культуры. Композитор задавал тон началу ряда музыкально-профессиональных жанров. Его мелодии-эмблемы становились музыкальными позывными передач Узбекского радио и телевидения. Многие появились на свет в связи со знаменательными событиями в жизни народа. Играя как бы роль карнаев, придавая настрой торжествам, они открывали многие народные празднества. Это кантатно-ораториальные произведения “Победа”, “Моя Родина”, “Мирзачуль”, “Алёр”, “Муборакбод”, “Узбе-

кистан”. Здесь можно назвать и поднимающую дух “Фестивальную увертюру”, и, конечно же, оперу “Проделки Майсары”, начинающуюся со звуков карнаев, колоритно воссоздающих атмосферу представлений народного театра кызыкчи.

— **Вера Зиновьевна, в процессе работы Вы, естественно, общались с композитором. Какие черты в его характере Вас привлекали?**

— Пожалуй, открытость, благожелательность, умение поддерживать и подбадривать окружающих. Об этом свидетельствуют веселый, оптимистический тон его взаимоотношений с людьми, переписка с друзьями, дарственные надписи на нотах. Мне лично особенно дорога надпись на клавире оперы — основном предмете изучения творчества Юдакова: “Уважаемой Вере-ханум Плунгян — знатоку моего творчества в знак признательности от автора”.

Поделюсь с читателем еще одной личностной деталью. Соломону Александровичу, юмористу по натуре, очень нравилось в одном из поздравлений в мой адрес шутовское пожелание “новых изысканий в области сулейманистики, юдакологии, майсароведения”.

Трудно смириться с тем, что веселого, постоянно склонного к юмору человека уже нет среди нас. Одинокий в жизни, но никогда не унывающий среди окружающих, С.А. Юдаков вошел в историю как творец жизне-радостной музыки.

— **Думаю, что нашу беседу уместно закончить**

вопросом о том, что сегодня делается для увековечения памяти С. Юдакова?

— Союз композиторов готовит концертную программу, приуроченную к 75-летию композитора, намечается открытие квартиры-музея, издание книги.

От отдела социально-бытовых проблем и информации.

Открывая новую рубрику “Беседы о мастерстве”, мы попытаемся рассказать вам об известных представителях культуры республики. О тех, кто дарил слушателям и зрителям радость от знакомства с их новыми произведениями и ролями. О тех, кто являл и ныне являет собой пример служения волшебному миру искусства, его национальным традициям, демократизму творчества.

Пользуясь случаем, просим от имени биографа композитора всех, кто знал С.А. Юдакова, кто общался с ним, кто прикасался к его творчеству, направлять материалы и воспоминания о нем В. Плунгян. Тем, кто сочтет возможным участвовать в создании книги “Воспоминания о композиторе”, тоже обращаться к Вере Зиновьевне.

**“Вечерний Ташкент”,
19 ноября 1991 года**

Когда муза смеется...

К 80-летию композитора
С. Юдакова

В эти дни Соломону Александровичу Юдакову исполнилось бы 80 лет. А не стало его в канун 75-летия. Ушел из жизни внезапно, недомечтав, недошутив, оставив нам свои бессмертные творения.

Легко узнаваемая интонационно и по стилю музыка Юдакова — яркая страница истории узбекской культуры. Она всегда эмоционально возвышенна или юмористична. Особую популярность приобрели такие его жизнеутверждающие произведения, как песня “Родной Узбекистан”, симфонические опусы “Фестивальная увертюра” и “Хорезмское праздничное шествие”, кантатно-ораториальные сочинения “Моя Родина”, “Мирзачуль”, “Алёр” и, конечно же, искрометная комическая опера “Проделки Майсары”. Многие его мелодии стали позывными музыкального эфира Узбекистана.

Счастливая судьба у оперы Юда-

кова. Она была поставлена на восьми больших сценах бывшего Союза, в других странах, звучала в учебных театрах и домах культуры — в общей сложности на девяти языках. Не случайно этому произведению посвящена отдельная книга, что бывает в истории музыки крайне редко. Ее автор — исследователь творчества Юдакова, известный музыковед Вера Зиновьевна Плунгян — рассказывает:

— Популярность, успех сопутствовали практически каждому произведению композитора. Но особенно “Майсаре”. В памяти неизгладимые впечатления о двух постановках оперы в ГАБТе имени А. Навои — в 1959 и 1987 годах.

Первой исполнительницей роли Майсары была несравненная Халима Насырова. Как-то в начале 60-х на одном из спектаклей с ее участием присутствовала немецкая делегация, гости были потрясены удивительно естественной драматической игрой артистки. Но не только Насырова блестяще вела здесь свою партию. И Карим Закиров (Дост), особенно в танцевальной пантомиме “Сипса уйин” (танец с венником и цветком за ухом). И Михаил Давыдов (Хидоят) с его удивительно пластичной, жеманно-кокетливой трактовкой этого образа.

Остались воспоминания и о творческих контактах с режиссерами-постановщиками оперы Фирудином Сафаровым и Чеславом Яросевичем из Лодзи, дирижером Фаазитдином Шамсутдиновым, музыкальным редактором радио из Риги Лоретой Берзиня,

оставившими в душе теплую гамму чувств.

Создание книги, кроме желания познакомить со всем накопленным материалом, увековечить в истории музыки действительно выдающееся произведение, было продиктовано необходимостью внести коррективы в неточную информацию, содержащуюся в отдельных статьях, главах и разделах книг других авторов. Ведь изучение этой оперы входит в учебную программу, начиная с детских музыкальных школ и кончая вузами.

Скажу, что Соломон Александрович был одним из самых строгих рецензентов рукописи. Он мечтал об этой книге, с нетерпением ждал ее выхода. Как известно, она была сдана в издательство еще при жизни композитора. Но дождаться ее издания ему, видно, было не суждено.

Выход в свет книги состоялся благодаря усилиям ректората консерватории и издательства “Фан” Академии наук. В апробации монографии участвовали многие крупные ученые в Узбекистане и за его пределами. Благодарная память и низкий поклон всем причастным к этому труду: М. Друскину, Б. Ярустовскому, Ю. Раджаби, Т. Джумаеву, Т. Гафурбекову, Б. Ерзаковичу, Н. Янов-Яновской и другим.

Кстати, книга об опере “Проделки Майсары” была у меня второй. Первая книга — монографический очерк о творчестве композитора — была выпущена в свет в 1979 году издательством литературы и искусства имени Г. Гуляма. Теперь собираю страницы воспоминаний де-

ателей музыкальной культуры, соприкасавшихся с композитором, с его талантом.

... Сейчас осуществляется мечта Соломона Александровича . Увидит свет ramпы балет “Юность Насретдина”. Премьера будет приурочена к памятной дате самого автора.

**“Правда Востока”,
12 апреля 1996 года**

... Об авторе “Проделок Майсары”

К 85-летию композитора

С. Юдакова

Имя композитора Сулеймана Юдакова золотыми буквами вписано в историю узбекской музыкальной культуры. Его творения вышли за пределы родного Узбекистана и звучат на разных континентах.

Классик современной узбекской музыки громко заявил о себе еще в 1937 году, когда начинающий композитор, будучи студентом московского музыкального училища, за пушкинский романс “Не пой, красавица” был удостоен на конкурсе Первой премии.

... Минувшей весной Сулейману Александровичу исполнилось бы 85 лет. А суждено ему было прожить неполных 75. Сегодня своими воспоминаниями о народном артисте Узбекистана, композиторе солнечных тонов на страницах нашей газеты делится биограф и исследователь его творчества, кандидат искусствоведения, доцент

Ташкентской консерватории Вера Зиновьевна Плунгян:

— Как-то, поздравляя композитора с очередным успехом, известный в республике дирижер Фазлитдин Шамсутдинов отметил: “Каждая новая творческая удача С. Юдакова является праздником музыки Узбекистана”. Эти слова явились пророческими не только в масштабе нашей страны. Сила таланта узбекского маэстро оказалась притягательной для огромной многонациональной аудитории слушателей, что очень точно подметил болгарский музыковед Любомир Сагаев: “Все его произведения глубоко национальны по колориту, исполнены искренней эмоциональности, и тепло воспринимаются самой широкой слушательской аудиторией”. Произведения Сулеймана Юдакова (называемого в одном из российских музыкальных журналов высококочтимым аксакалом, корифеем-старейшиной, классиком современной музыки) прозвучали во многих городах России, в центральноазиатских и кавказских республиках, в Прибалтике, Египте и Индии, Болгарии и Польше, Румынии и Венгрии, Швейцарии и Аргентине, Франции и США... Только “Проделки Майсары” были поставлены на сценах 8 театров (не считая оперных студий) на 9 языках народов мира.

... Здесь я бы хотела сделать отступление и воссоздать в памяти отдельные опыты композитора вообще в жанре балета. Прежде всего, упомяну о ранней попытке Сулеймана Александровича создать автобиографический балет на собственное либретто “Счастливый Сулейман”,

о чем свидетельствуют сохранившиеся эскизы. В 1970 году был написан и увидел свет рампы балет “Живое пламя”, в 1977-м — осуществилась постановка балет-оратории “Победа”.

Балету “Проделки Насретдина” суждено было “встать на пуанты” без участия автора, благодаря усилиям, я бы сказала, целого коллективного действия.

Богата событиями не только сценическая судьба “Майсары” и “Насретдина”. То же самое можно сказать, к примеру, и о многих песнях и романсах композитора. Особенно в этом ряду хочется выделить пушкинский романс “Не пой, красавица” (в переводе на узбекский язык Миртемира). Приведу выдержку из газетной публикации: “В “малом лектории” при Ташкентской государственной консерватории дети слушали романсы “Не пой, красавица” на слова А.С. Пушкина. Исполнялись произведения М. Глинки, С. Рахманинова, С. Юдакова. И неожиданно вариант С. Юдакова понравился юным меломаном больше всего”. Таково свидетельство автора статьи М. Артишевой.

Из оркестровых сочинений Юдакова мне близка по духу своим ликующим пафосом “Фестивальная увертюра”, являющаяся неизменным номером многих концертных программ, фестивальных торжеств как в Узбекистане, так и за его пределами.

Глубоко врезался в память эпизод на генеральной репетиции “Победы”, когда 60-летний композитор без всякой вокальной подготовки с энтузиазмом “вытянул”

достаточно подвижную в темповом отношении и сложную по тесситуре партию солиста (вместо отсутствующего по болезни певца), заслужив буквально шквал аплодисментов слушателей и исполнителей. Огромный, состоящий из трех коллективов (оперной студии, радиокомитета и филармонии) хор выражал свое признание С. Юдакову прежде всего как автору талантливой про-изведения, эмоционально глубоко захватившего всех присутствующих.

Память ... Трудно себе представить, что человек жизнерадостного мировосприятия, всегда смотрящий в будущее, горячо любящий и воспевающий родной край, служащий людям духовной опорой, ушел из жизни. Но он, как говорят в таких случаях о талантах, ушел в бессмертие, оставив для потомков щедрую по мелодике, зажигательную по ритму музыку, в которой продолжает звучать пульс его неравнодушного сердца. Он ушел, но продолжает жить в благодарной памяти народа, увековечившего его в бронзовом бюсте, в квартире-музее, в воспоминаниях современников.

**“Народное слово”,
15 июня 2001 года**

X. Насырова в роли Майсары.

В роли Майсары –
К. Давыдова.

М. Давыдов в роли
Чупона.

Ходжи Дарга – Д.Низамходжаев.

М. Давыдов в роли Хидоята.

К. Закиров в роли Мумы Доста.

Программа премьерного спектакля "Проделки Майсары"
(1959).

TEATR MUZYCZNY W LODZI

ul. Polnocna 47/51 tel. 823-55

FIGLE

MAJSARY

PRAPREMIERA POLSKA

25 października 1975

Афиша польской премьеры "Проделок Майсары".

Сулейман Юдаков и Галия Измайлова на репетиции
“Проделок Майсары” в Лодзинском музыкальном театре.

Сцена из спектакля "Проделки Майсары"
в Лодзи.

Сцена из спектакля "Проделки Майсары"
в Лодзи.

Автор-составитель выражает особую признательность студентам и аспирантам Государственной консерватории Узбекистана, принявшим участие в подготовке книги к изданию:

Рано Арифовой
Юлии Морозовой
Барно Мусабаевой
Камиле Мусабековой
Барно Нурмухамедовой
Алие Рафиковой
Альбине Шариповой

*класс профессора
В.Э. Плунгян*

Гульшан Турсуновой

*класс профессора
Т.Б. Гафурбекова*

Наиболее значительные работы музыковедов Узбекистана, освещающие творчество С. Юдакова

С. Вахидов. Узбекская советская песня. — Т., 1976.

Т. Вызго. Комическая опера С. Юдакова “Проделки Майсары”. Брошюра. — М., 1962.

Модификации текста этого издания см. в книге “Развитие музыкального искусства Узбекистана и его связи с русской музыкой”, — М., 1970; в “Истории узбекской советской музыки”, т. II, — Т. 1973; в учебном пособии “История узбекской музыки”. — М., 1979; в сборнике статей “Музыкальная культура Узбекской ССР”, — М., 1981.

Т. Гафурбеков. Ижоднинг олтин кирраси. С. Юдаков. Статья в журнале “Совет Ўзбекистони санъати”, 1986, №11.

Т. Головянц. Камерно-инструментальная ансамблевая музыка Узбекистана. — Т., 1990.

Т. Джумаев. “Проделки Майсары” — первая узбекская комическая опера. Статья в сборнике “Вопросы музыкальной культуры Узбекистана”. — Т., 1961.

Ф. Кароматов. Биринчи ўзбек хажвий операси. “Ўзбекистон маданияти”, 1959 г., 31 янв.

Е. Мацокина. Драматургическая функция полифонии в опере С. Юдакова “Проделки Майсары”. Статья в сборнике “Вопросы музыковедения Узбекистана”. —Т., 1982.

В. Плуноян. Диссертация “С. Юдаков—создатель первой узбекской комической оперы”. 1971.

В. Плуноян. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения “С. Юдаков — создатель первой узбекской комической оперы”. 1971.

В. Плуноян. Некоторые особенности музыкального языка оперы С. Юдакова “Проделки Майсары”. В сборнике “Вопросы музыкознания”, вып.2. Изд. —Т. “Фан”, 1971.

В. Плуноян. О некоторых композиционных особенностях узбекской комической оперы “Проделки Майсары”. В сборнике “Вопросы истории и теории узбекской советской музыки”. —Т. “Фан”, 1976.

В. Плуноян. Заметки о стиле С. Юдакова. В сборнике “Проблемы теоретического музыкознания в Узбекистане”. Изд. литературы и искусства имени Г. Гуляма. 1976.

В. Плуноян. К вопросу об интернациональном в творчестве С. Юдакова. В сборнике “Теоретические проблемы узбекской музы-

ки”. Типография ТашГУ. 1976.

В. Плунгян. Фусункор куйлар ижодчиси. “Шарк Юлдузи”, 1969, № 4.

В. Плунгян. “Проделки Майсары” — первая узбекская комическая опера. “Звезда Востока”, 1969, № 5.

В. Плунгян. Образ центрального положительно-го героя в первой узбекской комической опере “Проделки Майсары”. “Общественные науки в Узбекистане”, 1975, № 11.

В. Плунгян. Монографический очерк “Сулейман Юдаков”. Изд. литературы и искусства имени Г.Гуляма. 1979.

В. Плунгян. Монография “ “Проделки Майсары” С. Юдакова.” Изд. “Фан” Академии наук Республики Узбекистан. 1992.

Ян Пеккер. Узбекская опера. 1-е издание. —М., 1963; 2-е издание. —М., 1984. Глава книги.

Н. Янов-Яновская. Музыка узбекского кино. —Т., 1969.

Н. Янов-Яновская. Узбекская симфоническая музыка. —Т., 1979.

Содержание:

Мы – частица Узбекистана	9
We are a part of Uzbekistan	12
От автора-составителя Страницы творческой биографии (1916-1990)	15
Он ушел, оставив бессмертные творения	25
Воспоминания С. Юдакова о своем великом учителе – Глиэре	31
Композиторы	39
Музыканты-исполнители ..	67
Музыковеды	107
Деятели культуры	135
Публикации, посвященные сценической судьбе произведений С. Юдакова	173
Библиография	240

Автор-составитель: **В.Э. Плуинян**
Редактор: **Б.Р. Бабаев**

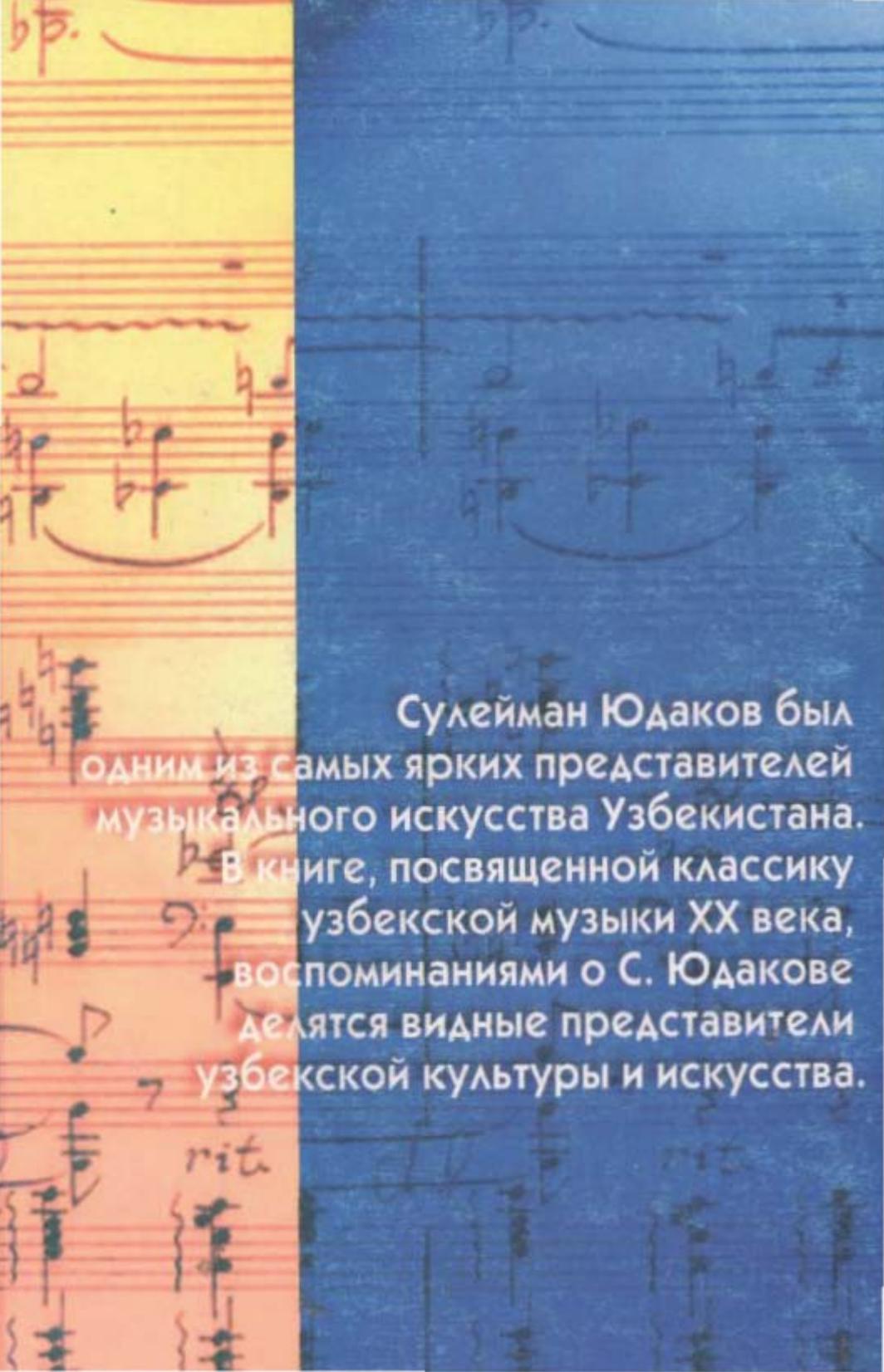
Сулейман Юдаков
в воспоминаниях современников
Штрихи творческой биографии

Ташкент, “Узинкомцентр”, 2003.
Главная редакция электронных и печатных изданий.
Главный редактор: М. Сапаров.

Подписано в печать 25.06.2003.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура “Академия”. Печать офсетная.
Усл.п.л. 15,5. Уч.-изд. л. 6,02. Тираж 1 000 экз.
Заказ №45.

Издательство “Узинкомцентр”,
700084, Ташкент, ул. Амира Темура, 107-А.
Изд. дог. № ВТ-24-2003.

Отпечатано в типографии “Узинкомцентра”.

Сулейман Юдаков был одним из самых ярких представителей музыкального искусства Узбекистана. В книге, посвященной классике узбекской музыки XX века, воспоминаниями о С. Юдакове делятся видные представители узбекской культуры и искусства.